

ЮЛИЯ ШИЛОВА

НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ + СУДЬБЫ В ПИСЬМАХ

Нежное чудовище,
или Я поставлю твою волю на колени

Юлия Шилова

**Нежное чудовище, или Я
поставлю твою волю на колени**

«Шилова Юлия Витальевна»

2012

Шилова Ю. В.

Нежное чудовище, или Я поставлю твою волю на колени /
Ю. В. Шилова — «Шилова Юлия Витальевна», 2012

Даша люто ненавидит унылую жизнь в провинциальном городишке, скучных знакомых, постылого мужа — ревнивца и зануду. Она мечтает о свадьбе со своим московским любовником Глебом, хочет жить в столице, кататься на дорогих лимузинах, веселиться в шикарных ресторанах и проводить время на модных тусовках. Ради такой жизни она готова на всё — даже убить супруга. Но не зря пословица гласит: «Хочешь рассмешить господ Бога, расскажи ему о своих планах...» Ранее роман выходил под названием «Сумасбродка, или Пикник для лишнего мужа».

© Шилова Ю. В., 2012

© Шилова Юлия Витальевна, 2012

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Шилова

Нежное чудовище, или Я поставлю твою волю на колени

От автора

Дорогие мои друзья, я очень-очень рада встретиться с вами вновь! Мне так приятно, что вы держите в руках эту замечательную книгу!

В своих письмах довольно часто вы задаёте мне один и тот же вопрос – как отличить мои новые книги от тех, которые были изданы несколько лет назад, ведь теперь у них другие названия. Это очень просто. На новых книгах написано: **НОВИНКА**. На книгах, вышедших несколько лет назад: **НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ**. Поэтому будьте внимательны.

Я бесконечно благодарна читателям, которые коллекционируют мои книги в разных обложках и имеют полное собрание моих книг. Для меня это большая честь и показатель того, что я нужна и любима. Переизданные книги заново отредактированы, а у меня появилась потрясающая возможность внести дополнения и новые размышления. Теперь я отвечаю на ваши вопросы в конце книги, рассказываю, что творится в моей творческой жизни, да и просто делюсь тем, что у меня на душе. Для меня всегда важен диалог с читателем.

На этот раз я представляю на ваш суд свой уже издававшийся роман «Сумасбродка, или Пикник для лишнего мужа», у которого теперь новое название «Нежное чудовище, или Я поставлю твою волю на колени». Думаю, он обязательно понравится тем, кто будет читать его впервые, а если кто-то захотел перечитать роман заново, я уверена, ему будет безумно интересно пережить все события еще раз. Я сама перечитала эту книгу совсем недавно и получила колоссальное удовольствие. Книга живая, интересная и динамичная. Искренне надеюсь, что она ни в коем случае вас не разочарует и придётся вам по душе.

Спасибо за ваше понимание, любовь к моему творчеству, за то, что все эти годы мы вместе. Я рада, что многие согласились: мои переиздания представляют ничуть не меньшую ценность, чем новинки, которые только что вышли из-под моего пера.

Спасибо, что вы помогли мне подарить этому роману новую жизнь. Если вы взяли в руки книгу, значит, вы поддерживаете меня во всех моих начинаниях. Мне сейчас, как никогда, необходима ваша поддержка...

Итак, устраивайтесь поудобнее, налейте себе чашечку вкусного чая. Приятного вам чтения! А я буду рядом. Мне самой интересно, какие события происходят в этом романе, какие интриги и страсти там разгораются. Когда вы перевернёте последнюю страничку, мы расстанемся. Но это совсем ненадолго! За расставанием придёт скорая встреча, ведь мне так много хочется рассказать вам!

Я бесконечно благодарна за вашу любовь, неоценимую поддержку, дружбу и за то, что наша с вами любовь так созвучна.

Заходите на мой сайт: WWW.SHILOVA-AST.RU

На этом сайте я с удовольствием общаюсь со своими поклонниками.

Не забывайте, что изменился адрес моего почтового ящика для ваших писем:

129085, Москва, абонентский ящик 30.

Пожалуйста, не пишите на старый. Он больше не существует.

До встречи в следующей книге. Я приложу все усилия для того, чтобы она состоялась как можно быстрее.

Любящий вас автор, Юлия Шилова.

Глава 1

Обхватив колени руками, я сидела на стареньком раскладном стуле, бог весть как сохранившемся до наших времен, и кисло улыбалась. Кирилл подошел к магнитофону и прибавил звук. По телу пробежала легкая дрожь. Максим сидел рядом с мангалом и следил за тем, чтобы шашлык не подгорал. Покосившись на мужа, я съежилась и сжала кулаки. Почувствовав мой взгляд, Максим посмотрел на меня. В его глазах было столько ненависти, что я не выдержала и отвернулась.

Ровно три года я живу с Максимом. Три года изо дня в день этот взгляд преследует меня. Хитрые, узенькие, масляные глазки следят за каждым моим движением. От этого я схожу с ума и даже на улице не могу избавиться от липкого, как паутина, страха. Ну ничего, осталось совсем немного, и ты не будешь больше доставать меня! Когда-нибудь на это надо было решиться...

Кто-то бесцеремонно потряс меня за плечо. Я подняла голову и увидела Верку.

– Прекращай грустить, – улыбнулась она. – Может, потанцуем?

– Что-то не хочется, – вздохнув, ответила я.

Верка с силой ткнула меня в бок. Я взвизгнула и потерла больное место:

– Ты что руки распускаешь?

– Тогда не сиди как пришибленная. Смотреть тошно. Веселиться надо, не на похороны же приехала. Твой придурок и так уже на тебя косо смотрит...

– Он всегда на меня так смотрит, – резко перебила я.

– Всегда не всегда, а из-за твоего дурацкого поведения можно все дело испортить. Тебе что, трудно встать и повилиять бедрами в такт музыке?

– Не могу. У меня ноги трясутся.

– А говорила, что сможешь держать себя в руках... – Верка замолчала и помахала рукой Максиму, сверлившему нас взглядом. – Ну что, Макс, скоро мы есть-то будем? У тебя тут такие ароматы – аж слюньки текут! – неестественно радостно крикнула она.

– Кто виноват, что мы только дрова сорок минут искали? Трудно было уголь купить? Пришлось ползать тут в поисках сушняка. Попробуй сама разжечь костер из мокрых дров, а я на тебя полюбуюсь.

– Что тебя не устраивает? – прищурилась Верка.

– Надо было березовый уголь купить и дурью не маяться.

– Между прочим, пакет березового угля стоит денег, а их еще заработать нужно. Лучше хорошего парного мяса купить.

– А ты у моей женушки спроси, почему она не пожелала раскошелиться. С каких это пор она деньги считать стала? – зло пробурчал Максим, брызнув на мясо водой.

– Я всегда считала деньги, – сухо произнесла я, одарив супруга ненавидящим взглядом.

– Что-то я этого не замечал. Ты в последнее время столько шмоток себе накупила – шкаф скоро треснет.

– Я покупаю вещи на свои честно заработанные деньги. Имею на это полное право.

Максим сморщился и сквозь зубы процедил:

– Давай я тебе дома расскажу о твоих правах, а то при посторонних не хочется. Боюсь, будет много крови.

– Ребята, да ладно вам! Что вы как маленькие?! – не выдержала Верка. – С вами лучше никуда не ездить. Хватит ругаться! Мы же сюда приехали отдыхать. Максим, ты нас больше посторонними не называй. Я же как-никак родная сестра твоей жены. Посторонних тут нет. Все свои. С минуты на минуту все будет готово, а вы ругаться вздумали. Кирилл, разливай коньяк.

Кирилл открыл бутылку и разлил коньяк по стаканчикам. Максим поднес стаканчик к носу, понюхал и недовольно произнес:

– А это что еще за пойло?

– Тоже мне, пойло нашел, – обиделся Кирилл. – Это дагестанский коньяк. Довольно вкусная вещь.

Все пропустили по одной и с жадностью накинудись на шашлык. Я почувствовала легкое головокружение и, потянувшись к бутылке, налила себе полный стаканчик.

– Во дожила, коньяк, как воду, хлещешь, – усмехнулся Максим, впиваясь зубами в мясо.

Не обращая внимания на его слова, я одним глотком осушила пластиковый стакан. Протянула свою тарелку с шашлыком Верке. Есть не хотелось, наверное, оттого, что шашлык приготовил мой муж. Поднявшись со стула, я подошла к магнитофону, щелкнула кнопкой перемотки, нашла подходящую мелодию и, отчаянно встряхнув головой, принялась танцевать. Верка чуть было не поперхнулась и уставилась на меня во все глаза. Я весело подмигнула ей и ловко села на шпагат. Затем сделала колесо и встала на мостик.

Кирилл восхищенно зааплодировал. Я подбежала к нему, выхватила из рук бутылку, налила себе опять стаканчик и залпом осушила его.

– Шалавой была, шалавой и осталась, – злобно произнес Максим и сплюнул себе под ноги.

Окинув его насмешливым взглядом, я продолжала танцевать. Все будет хорошо! Все обязательно будет хорошо, мысленно твердила я себе. Скоро все закончится. На днях я уеду в Москву и встречусь с любимым мужчиной. При воспоминании о Глебе сердце забилося с такой сумасшедшей силой, что едва не выскочило из груди.

Москва – это город моей мечты. Город, в котором стрелой проносятся лимузины с роскошными женщинами. Наверное, от таких лимузинов не пахнет бензином. Салоны машин пахнут дорогим парфюмом, от такого запаха темнеет в глазах и кружится голова. Нина Риччи, Палом Пикассо, мой обожаемый Армани... Сногшибательные наряды, дорогие украшения, ночные клубы, элитные рестораны... Уверенные в себе мужчины в шикарных костюмах от лучших кутюрье мира. Мой Глеб носит именно такой костюм, и я знаю, что он выложил за него бешеные деньги. Глеб никогда не скупится! Недавно он купил мне юбку из кожи рептилии с разрезами от бедра. Глеб говорит, что хорошая кожа придает дамам уверенность в себе. В этой юбке я превращаюсь из забитой провинциалки в женщину-вамп. Пройдет немного времени, и я обязательно пересяду в свой собственный лимузин. Я буду разговаривать с водителем по специально оборудованному телефону, лениво потягивая виски со льдом. Я буду сидеть в своей роскошной юбке на террасе шикарного дома и любоваться ночной Москвой. Рядом будет сидеть Глеб и курить трубку. Он подарит мне такую жизнь, я в этом не сомневаюсь. Он обещал. Он всегда выполняет то, что обещает. Я буду брать от жизни все, оставляя за собой толпы вздыхающих мужчин и завистливые взгляды женщин. Я рождена для шикарной жизни, потому что умна, красива, хитра и всегда четко знаю, чего хочу. А хочу я ни много ни мало выйти замуж за Глеба. У меня будут московская прописка, двухэтажный особняк с охраной и куча денег. Я ненавижу нищету, потому что выросла в бедности и прожила так двадцать пять лет. Я терпеть не могу свой городок, потому что до Москвы надо добираться почти сутки, у нас нет лимузинов и дорогих женщин, потому что местные жители пашут на заводе и в открытую ненавидят тех, кто сумел обзавестись более или менее сносным барахлом. Я ненавижу своего мужа за то, что он мертвым грузом повис на моей шее, даже не пытаюсь устроиться на работу, – ему нравится жить за мой счет и тянуть из меня соки. Я презираю его за то, что он не считает обязательным чистить зубы по утрам, ежедневно принимать душ и пользоваться хоть каким-нибудь одеколоном. Я ненавижу его, потому что он совершенно ничего не смыслит в постельных делах и знает одну-единственную позу – «бутерброд». Он стал мне настолько противен, что я брезгую ложиться с ним в одну постель! Я ненавижу его за то, что он туп, ревнив и подл. Я ненавижу его за то, что он может запросто поднять на меня руку даже в присутствии посторонних людей. Но сегодня его убьют... Моя сумасшедшая мечта наконец исполнится... Я буду

свободна, а значит, смогу выйти замуж за Глеба. Нужно только немного потерпеть. Я смогу, я очень терпеливая. Я двадцать пять лет терпела унижительную нищету и три года терпела этого уroda. Осталось потерпеть каких-то пару часов...

Я опять села на шпагат и легла грудью на землю, затем посмотрела на Верку:

– А тебе так слабо?

– Конечно, слабо. Я, в отличие от тебя, хореографических училищ не кончала.

Я улыбнулась, встала, подошла к столу и налила себе четвертый по счету стаканчик коньяка.

– Ты хоть закусывай, – тихо сказала Верка.

– Не хочу, – буркнула я, сделав глоток. – Не имею привычки!

– Она никогда не закусывает, – ехидно усмехнулся Макс, насаживая мясо на шампуры. – Она привыкла в своем стриптизе водку жрать и ногами дрыгать. Еще разденься, профурсетка поганая.

– И разденусь! – вызывающе бросила я и, скинув блузку, осталась в кружевном лифчике.

Магнитофон исторгал томную мелодию. Я обхватила грудь руками и принялась извиваться в танце. Максим выразительно покрутил пальцем у виска:

– Стриптизерша хренова! Кто бы мог подумать, что я женюсь на шлюхе!

– Между прочим, именно танцами я зарабатываю деньги. Если тебе что-то не нравится, то зарабатывай их сам.

– В гробу я видел твои деньги!

– Тем не менее ты существуешь на них ровно три года! – крикнула я. Макс, сам того не ведая, попал в точку: именно в гробу он их и увидит. Я не поспешила и положу ему в гроб все свои немногочисленные сбережения. Чтобы и на том свете у этого козла была хоть какая-то копейка.

– Одному богу известно, как ты меня достала!

– Так разведись! – Я посмотрела на Макса взглядом, полным надежды. – Разведись, Макс. Какие проблемы! Дай мне право на собственную жизнь!

Максим покраснел до кончиков ушей и, как гадюка, прошипел:

– Я тебя скорее убью, чем разведусь. Ты меня знаешь. Я еще съезжу в Москву, найду клуб, где ты танцуешь, и поговорю с твоим хозяином. Я просто уверен, что ты не только вертишь жопой перед холеными, зажавшимися мужиками, но и удачно раздвигаешь ноги. Думаешь, я дурак и не понимаю, что одними танцами таких денег не заработаешь?! Трахаешься за деньги, тварь! Твои деньги грязные!

– Надо же, по-моему, ты никогда не брезговал моими деньгами! Ты жрешь на эти деньги, покупаешь себе шмотки, копишь на «жигуленок». Ты же не хочешь приобрести машину через газету, ты хочешь именно новый «жигуль», заводской. С чехлами на сиденьях. Только знаешь, что я тебе скажу: «жигуль» он и есть «жигуль»! И не важно, какой он – новый или старый! Потому, что дерьмо что на четырех колесах, что на двух так дерьмом и останется! Дешевые мужики мечтают о дешевых машинах!

– А ты какая? Дорогая, что ли?! Дура набитая, ты что о себе возомнила?! Думаешь, будешь ездить на дорогой тачке?

– Я буду ездить на лимузине, – отчеканила я.

Макс громко рассмеялся и поднес зажигалку к сигарете.

– Господи, да заткнись ты! Надоело слушать бред! Ты посмотри на себя, кому ты нужна! У тебя уже ягодицы отвисли, как у старухи, целлюлит! Ты уродина...

– Я красавица, – перебила я этого придурка. – Я эффектная, и ты это знаешь. Я прекрасно танцую, у меня роскошное тело и упругая задница. Я чертовски привлекательная!

– Ты уродина, – громко заржал Макс. – Ты даже не представляешь, какая ты уродина!

– Прекратите немедленно! – крикнула Верка. – С вами невозможно отдыхать. Когда вы научитесь выяснять отношения дома? Что за привычка выносить сор из избы?! Максим, разве можно так унижать женщину?!

– Это не женщина, – пробурчал мой супруг.

– А кто же она, по-твоему? – вытаращила глаза Верка.

– Она моя жена.

– А что, разве твоя жена не женщина?! Откуда в тебе столько цинизма?! Дарья замечательная женщина. Да, она профессиональная стриптизерша и этим зарабатывает на кусок хлеба. Между прочим, не только на свой кусок, но и на твой тоже, учти это. Если ты такой правильный и тебе не нравится то, что делает твоя жена, так устройся на работу, а Дашка будет сидеть дома, варить обед и ждать тебя с работы.

– Ты же знаешь, что в нашем городе работы днем с огнем не найдешь. Завод и тот скоро закроют. Какая, к черту, работа?! В Москве с иногородними связываться никто не хочет. Всем подавай прописку. Без прописки можно только в какой-нибудь бар устроиться, как Дашка. Но я же не буду стриптизером. Я же нормальный мужик, а не какой-нибудь педик.

– Ну так и веди себя как мужик, – буркнула Верка, поднялась и, не обращая внимания на Макса, принялась танцевать.

Макс ухмыльнулся и принялся возиться с шампунями. Кирилл закурил и нервно стряхнул пепел. Верка пристально посмотрела на меня и тихо произнесла:

– Дашка, ты что, совсем не закусываешь? Так тебя развезет по полной программе. Что мы с тобой делать будем?

– Меня тошнит, – брезгливо скривилась я.

– От чего?

– От шашлыка.

– Зря, вкусное мясо, свежее. Мы с Кириллом полчаса выбирали. Весь рынок обежали.

– Мне кажется, что этот шашлык сделан из моего мужа...

– Что? – вытаращила глаза Верка и остановилась как вкопанная. – Что ты такое говоришь?

– Я говорю, что мясо какое-то... несимпатичное, как будто тело моего мужа... Как его представлю, так сразу блевать тянет.

– Дашка, ты что, совсем головой поехала?

– Может быть. Если бы ты три года прожила с этим недоумком, то чувствовала бы то же самое. Я же не виновата, что шашлык действительно похож на мясо моего мужа. Мы же приехали сюда, чтобы его убить? Так вот, мне кажется, что он уже покойник, а теперь мы нарезали его тело на порционные кусочки и сделали шашлык.

– Тише ты, дура!

– Нас никто не слышит. Музыка гремит на полную катушку.

– Все равно. Твой Макс и так уже косо смотрит, словно о чем-то догадывается.

– Он всегда так смотрит. Скорее всего, он в детстве страдал косоглазием и не успел его вылечить. А насчет того, что он о чем-то догадался, за это можешь не переживать. У него ума не хватит...

– Хватит, – резко перебила меня Верка. – Хватит чепуху молоть. Не хочешь есть этот чертов шашлык, не ешь.

– Ну что, девочки, может, по стопочке? – предложил Кирилл и разлил коньяк по стаканчикам.

Я чувствовала, что мне уже хватит, но не могла остановиться. Надев блузку, подошла к складному столику, взяла свой стаканчик и торжественно произнесла:

– Я хочу сказать тост!

– Я смотрю, ты многому в Москве научилась, – ухмыльнулся Макс. – Тост она хочет сказать! Что-то раньше ты особым красноречием не отличалась. Это ты, наверное, своим клиентам говоришь, когда они суют баксы тебе в трусы и наливают водку?

– Я не пью водку, – спокойно ответила я, глядя ему в глаза. – И не стыжусь того, что в мои трусики или лифчик суют деньги. Я принимаю это как благодарность, как вознаграждение за свой труд. Да, я танцую стриптиз, но отнюдь не считаю, что моя профессия хуже других. Напротив, я горжусь, что занимаюсь этим. Москва – не простой город, приезжих там не любят. В Москве выживают только сильнейшие. Слабые не выдерживают, сходят с дистанции и возвращаются домой, где для них всегда найдутся тарелка супа и теплая кровать. Я смогла удержаться в Москве, но не потому, что трахаюсь с клиентами. Я умею классно танцевать, специально этому училась. Я не только стриптизерша. В моей трудовой книжке есть запись: «Принята на работу в ночной клуб на должность танцовщицы». Публика любит смотреть, как я танцую, и мне это доставляет удовольствие. Я горжусь тем, что за свое искусство получаю деньги, Максим!

– Дура ты, нормальному человеку, если он выступает на сцене, в кайф получать цветы!

– Мне никогда не дарят цветы, потому что я работаю в ночном баре, а не в театре, и там совершенно другая публика. Если бы мне дарили цветы, я бы не смогла ими накормить свою семью. А теперь я все-таки скажу тост. Давайте выпьем за то, чтобы нам не приходилось заниматься тем, к чему не лежит душа, чтобы мы не рисковали своей драгоценной свободой и не совершали греховные поступки, чтобы жизнь не заводила нас в такие тупики и лабиринты, из которых нельзя выбраться, чтобы люди, которых мы давно уже не любим, отпускали нас с миром и давали нам право на собственную жизнь. Я пью за удачу, потому что без удачи не бывает счастья, а еще я пью за то, чтобы эта удача поворачивалась к нам только лицом. И пусть у каждого из нас будет шанс ухватить счастье за хвост, главное – не упустить этот шанс, какую бы цену за него ни запросили...

– Я что-то не понял, к чему ты клонишь? – побагровел Макс.

– Все, что я хотела сказать, я уже сказала, повторять не буду, надеюсь, до тебя дойдет.

Почувствовав легкое головокружение, я поставила стаканчик и пошла прочь от стола.

– Ты куда?! – крикнул мне вслед Максим.

– Сейчас приду, – отмахнулась я от него.

– Вот черт, не надо было столько пить!

Желудок неприятно ныл, голова кружилась, к горлу подступала тошнота. Я вышла к небольшому заболоченному озеру, села на траву, вытянув ноги. Перед глазами стоял Макс. Как же он мне надоел! Не человек, а банный лист какой-то, прилип так, что не отдерешь. По щекам потекли слезы. Верно говорят: когда напьешься, водка плакать начинает, только я пила не водку, а коньяк. Впрочем, какая разница, что пить. Странно, что от такой жизни я еще не превратилась в алкоголичку. Выйти замуж за это ничтожество и потратить на него целых три года! Сколько еще тянуть лямку – никому не известно. Ха! Мы собрались его убить! Да я заранее знаю, чем закончится сегодняшний пикник: доедим этот чертов шашлык, допьем коньяк и разойдемся по домам. Никто и пальцем не дотронется до моего мужа! Никто – ни Верка, ни Кирилл, и уж тем более я. Все мы храбрецы, но только на словах, а на деле у нас ничего не выйдет. Кишка тонка, как по поводу и без повода любит повторять Максим. Дома он мне наподдаст и ляжет спать, а я прореву всю ночь, уткнувшись в подушку, а рано утром замажу свои фингалы и поеду в Москву.

В Москве живет Глеб. Я чувствую, что еще немного, и он сделает мне предложение. Вот только разберется с навалившимися делами. Он так говорил, я помню. Выйду за него замуж и оставлю стриптиз. Я буду исполнять его только для Глеба, перед тем как заняться любовью. Глеб ничего не знает о Максе. Какая я дура, что сразу не призналась ему во всем, а теперь слишком поздно говорить правду. Макс не отпустит меня с миром, а Глеб не простит вранья.

Не могу же я ему признаться, что все это время делила постель еще с кем-то... Он не поверит, что, кроме него, я никого не люблю. Если же я тайком уеду от Макса, он обязательно рванет в Москву и попытается меня образумить. Он наговорит Глебу кучу гадостей и обольет меня грязью с головы до ног. Глеб посмотрит на этого остолопа и подумает, что я точно такая же. Ведь есть же поговорка – муж и жена одна сатана... У меня язык не повернется сказать Глебу, что я замужем. Он точно не поймет. Он не сможет простить меня. Я врунья, обыкновенная врунья, но не могу потерять Глеба. Я слишком долго его искала. Много-много лет. Я страдала, что одета хуже других, крашусь дешевой косметикой, пользуюсь барахляными духами. И все же я верила, что рано или поздно обязательно встречу своего принца, только он придет не на белом коне, как в сказке, а в белом лимузине. Именно за рулем такого лимузина я и увидела своего Глеба. Сначала я даже не могла понять: то ли мне больше нравится Глеб, то ли его лимузин?

«Вот глупая, разве можно их сравнивать!» – улыбнулась я своим мыслям и зачерпнула рукой воду. Вода приятно освежала и постепенно приводила в чувство. Тоже мне, убийцы нашлись! На словах все так ловко получается, а попробуй сделай... Завтра возьму билет и поеду в Москву. Смогу ли я признаться Глебу в том, что замужем? Интересно, как он отреагирует на мое признание? Ударит по лицу, простит или... бросит?

Случайно посмотрев на часы, я с ужасом поняла, что наш злополучный пикник подходит к концу. Скоро начнет темнеть. Мой муж, к моему глубокому сожалению, пребывает в полном здравии и, по всей вероятности, переживет меня. С него как с гуся вода, а я от общения с ним попаду в психиатрическую больницу. Будь проклят тот день, когда я согласилась выйти за него замуж! Наши местные девчонки до сих пор завидуют мне. Максим считался перспективным женихом: высокий, красивый, в любой компании сразу становится заметным. Только все это оказалось ширмой, за которой скрывалась пустота...

Мне захотелось кричать на весь лес. Я закрыла глаза и прислонилась к дереву. Пошел он к черту! Завтра же первым поездом уеду в Москву и расскажу все Глебу. Если он меня по-настоящему любит, то поймет и примет такой, какая я есть. Если же он меня бросит... Нет, господи упаси! Про это не хочется думать. Он не посмеет, не сможет... Как же тогда лимузин и красивая жизнь?..

Глава 2

– Дашка, где тебя черти носят? – услышала я за спиной звонкий голос и повернулась. Верка внимательно смотрела на меня.

– Что-то мне мутно, – тихо сказала я и пригладила мокрые волосы.

– Ты что, купалась, что ли?

– Просто намочила голову.

– Зачем?

– Нервы и коньяк на голодный желудок дали соответствующий результат.

– Закусывать надо было.

– Чем?

– Шашлыком из мужа, – язвительно произнесла Верка и глубоко затянулась сигаретным дымом.

– Что Макс?

– Шашлык наяривает, что с ним будет? Поест он у тебя не дурак, особенно когда на халяву. Ведь мясо мы с Кириллом покупали, коньяк тоже. А твой идиот хоть бы хлеба принес. Сразу видно – привык за чужой счет жить.

– А я и не спору. С самого начала я знала: мы не сможем осуществить задуманное. Можно устраивать такие пикники хоть каждый день. Кормить этого тунеядца, поить, он будет жрать в свое удовольствие, но дальше этого дело не продвинется. Никто не сможет поднять на него руку! Потому что мы не убийцы и никогда не станем ими. Тысячу раз я просыпалась ночью и смотрела на своего муженька, тысячу раз мне хотелось взять топор и рубануть по его шее, тысячу раз я мечтала приобрести пистолет, чтобы всадить ему пулю в лоб, и тысячу раз приходила к выводу, что никогда не смогу этого сделать!

– Девчонки, куда разбежались?! Я что, по-вашему, один должен с этим придурком оставаться? Мы так не договаривались! Если уж пришли все вместе, так давайте все вместе до победного сидеть будем.

Кирилл стоял за кустом и справлял малую нужду.

– До какого победного? – вздрогнула я.

– До окончания пикника, – усмехнулся Кирилл, заправляя рубашку в джинсы.

Я взяла Верку за руку и потянула за собой.

– Идите, идите, а то этот козел сейчас сюда припрется, – засмеялся Кирилл.

Мы молча пошли на поляну. Разговаривать не хотелось. Наверное, в этот момент каждый из нас думал о том, что пикник оказался пустой и глупой затеей. Мне захотелось толкнуть Кирилла в бок и спросить, когда же он наконец пришьет моего драгоценного муженька? Но кислая физиономия родственничка отбивала всякое желание ерничать. И где только Верка подобрала этого хмыря? Надо быть круглой душой, чтобы выйти за такого замуж... Хотя я-то сама тоже хороша...

Поляна оказалась пуста.

– Куда он делся? – спросила я.

– Наверное, отлучился до ветру, – пожала плечами Верка. – Он же у тебя тоже не железный, ничто человеческое ему не чуждо.

Я обошла поляну и невдалеке увидела Макса. Он сидел под большой березой и, кажется, дремал. Надо бы подойти к нему и сказать, что завтра первым же поездом я уезжаю в Москву. Какой, к черту, отпуск?! Я и так проторчала здесь целую неделю! С меня хватит! Хочу в Москву, и пусть он только попробует меня остановить! Про Глеба лучше промолчать. Навру, что меня срочно вызвали на работу. Мол, заболела напарница и теперь некому танцевать. Мне, скажу, вчера позвонили, но я не хотела его расстраивать. В конце концов, нам нужны деньги, и

он, черт бы его побрал, тоже жрет на мою зарплату. Чем больше я буду танцевать, тем быстрее этот недоумок купит свой занюханный «жигуленок» и будет катать на нем местных девиц!

Я решительно направилась к Макс.

– Ты куда? – испуганно спросила Верка.

– К Макс.

– А где он?

– Вон сидит.

– Чего это он там уселся?

– Не знаю, перебрал, наверное. Вы пока тут подождите, я хочу с ним поговорить.

Я подошла к мужу и с ходу начала:

– Макс, я больше так не могу. Нам надо объясниться. Так больше нельзя. Нужно принять какое-то решение. Мы уже давно разрушили то, что имели. Завтра я уезжаю в Москву и выхожу на работу.

Макс даже не повернулся в мою сторону. Я почувствовала сумасшедшую злость. Что он себе позволяет! Хам! Мог бы хоть как-то отреагировать на мои слова!

– Макс, что ты прирос к этой березе?! Придурок хренов! Если бы ты только знал, как я тебя ненавижу!

Размахнувшись, я отвесила ему затрещину и на минуту потеряла дар речи. Макс безжизненно завалился набок. Вся правая сторона его новенькой футболки была забрызгана кровью. Лицо Макса было бледно-желтого цвета, нос заострился, губы посинели, широко раскрытые глаза смотрели в небо.

– Макс! Что с тобой, Макс? – прохрипела я, упав на колени. – Макса убили!

Через несколько мгновений рядом со мной появились Верка и Кирилл. Они склонились над Максом и попытались нащупать пульс.

– Он мертв, – дрожащим голосом произнесла Верка и с испугом посмотрела на меня.

Я попыталась встать, но ноги не слушались. Из груди вырвались громкие рыдания. Кирилл вытер пот со лба и поднял лежащий на земле пистолет.

– Ничего себе игрушка, – присвистнул он. – Такой на штуку точно потянет. Ты что, его с собой из Москвы привезла? Да прекрати ты завывать! Тебя за версту слышно.

– Кого – его? – всхлипнув, спросила я.

– Пистолет, дура!

– Какой пистолет?

– Тот самый, из которого ты ухлопала Макса.

Смахнув слезы, я с удивлением уставилась на Кирилла.

– Но я ни в кого не стреляла!

Кирилл усмехнулся.

– Я в него не стреляла! – повторила я. – Верка, ты моя родная сестра, ты просто обязана мне верить. Я никогда и ничего от тебя не скрывала!

– А кто ж его тогда убил? – пристально глядя на меня, сказала Верка.

– Не знаю. Ты или Кирилл... А может быть, вы вместе?

– Ты что, совсем спятила?! – не выдержал Кирилл. – Неужели мы бы стали от тебя скрывать, что грохнули твоего благоверного! Где бы мы такую пушку достали? Тут же глушитель! В нашем городе такой днем с огнем не сыщешь. Это только ты из Москвы могла привезти. Дарья, мы тебя сдавать не собираемся. Мы же твои друзья, а уж тем более родственники. Вы с Веркой сестры, а я Веркин муж, получается, что не чужой тебе. Убила, и хрен с ним! Уж мы-то знаем, как он тебя достал, ты уже давно мечтала это сделать!

– Я не убивала! Я не убивала! – закричала я во весь голос и с ужасом посмотрела на мертвого Макса.

– Заткнись! – резко бросила Верка. – Что ты орешь, дура! Хочешь, чтобы нас сейчас всех здесь замели? Ну убила, и бог с ним. Собаке собачья смерть. Давайте лучше подумаем, как нам от трупа избавиться.

Я растерянно замотала головой и посмотрела на Макса.

– Прямо чертовщина какая-то. Может, он сам застрелился? Может, ему жить надоело?

– Ага, держи карман шире, – дрожащим голосом ответила Верка. – Он у тебя не такой дурак. Он бы скорее тебя застрелил, чем решил с собой покончить.

– А может, он и не мертвый вовсе?

– Мертвый, – жестко отрубил Кирилл. – Точно.

От его слов у меня загудело в ушах. Макс мертв... мертв... Неужели это правда? Еще совсем недавно он говорил гадости, мешал мне жить... А теперь... Что же будет теперь?!

– Ладно, Дарья, приходи в себя. Замочила, и правильно сделала. Жалеть тут не о чем. Ты же давно мечтала, чтобы этот придурок перестал дышать. Пил, ел, деньги твои тратил да еще над тобой измывался! Все, лавочка закрылась! Он больше не сможет доставить тебе неприятности. Он вообще больше ничего не сможет, – затараторила Верка.

– Может, он все-таки жив? – не слушая ее, твердила я.

– Если бы он был жив, то мы бы на тот свет отправились.

Кирилл достал из кармана плоскую фляжку, отвинтил крышку и сделал большой глоток. Затем протянул фляжку Верке, а та передала ее мне. Я не отказалась.

– Давайте теперь подумаем, как от трупа избавиться.

Кирилл подошел к магнитофону и выключил музыку. Я потянула Верку за руку и тихо спросила:

– Верка, зачем нам надо от трупа избавляться?

– Затем, чтобы тебя, дурочка, не посадили в тюрьму.

– Но я же не убивала...

– А кто?

– Кирилл. Это он Макса убил, пока мы в лесу были.

– Я не убивал, – словно сквозь вату, донесся до меня голос Кирилла. – Я уже тебе это говорил.

– Если ты не убивал и Верка тоже, а уж я тем более, то Макса убил кто-то другой. Убийца находится где-то неподалеку и внимательно за нами следит. Нужно бежать отсюда как можно скорее и вызывать милицию. Милиция приедет и найдет убийцу. Если мы не убивали, то какого черта будем от тела избавляться?

Кирилл тяжело вздохнул:

– Дашка, ты сейчас плохо соображаешь, поэтому все серьезные решения буду принимать я. Если вызвать ментов, то первыми подозреваемыми в этом деле окажемся мы. Не будут же наши доблестные сыщики искать неизвестного убийцу? Они сразу начнут выворачивать нас наизнанку – как и что... Кстати, твое положение самое незавидное. Менты доберутся до Москвы, узнают, где ты работаешь, выйдут на твоего богатого любовника и навесят на тебя убийство – будь спокойна. Тебя устраивают такие перспективы?

– Нет, – помотала головой я.

– Ты по-прежнему хочешь вызвать милицию?

– Нет.

– Нужно дотащить труп до реки и утопить. На шею привяжем что-нибудь тяжеленькое, чтобы не всплыл. Главное, чтобы сразу не нашли. А когда найдут, то никто не сможет доказать – виноваты мы или нет. Каждый обеспечит себе алиби. Ведь никто не знает, что Макс поехал с нами на пикник. Мы заранее предприняли все меры предосторожности, так как и в самом деле хотели его убить. Самое главное – избавиться от трупа. И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

– Нужно позаботиться о том, – встряла побледневшая Верка, – чтобы тело не нашли, а уж если найдут, чтобы не смогли опознать.

– Что ж мы его, гримировать, что ли, будем? – съязвил Кирилл.

– Может, его расчленим? – выдохнула Верка.

– Чем? – как ни в чем не бывало спросил Кирилл.

– Мы же топор с собой взяли, чтобы дрова рубить.

– Точно, нужно отрубить ему голову и расчленим, – почесал за ухом Кирилл. – Его так опознать сложнее будет. Я по виду такое смотрел. Потом утопим по частям.

– Вы что тут, совсем с ума сошли?! – закричала я. – В вас что, вообще ничего человеческого не осталось?! Вы хоть думаете, что говорите?! Вы кого собрались расчленивать? Макса? Он, конечно, сволочь, но умерьте фантазию! Мне кажется, вы ужасиков пересмотрели. Надо схоронить его по-тихому, и всё.

– Ну точно, спятила! – выкинул сигарету Кирилл. – Ты, в натуре, никогда в тюрьме не сидела. Можно устроить, все улики налицо. Менты любят таких благородных и честных.

Я смотрела на Макса и не верила своим глазам. При жизни он был очень красивый, но теперь от этой красоты ничего не осталось. Я хотела, чтобы он умер, но не думала, что это будет так страшно... К горлу подкатывала тошнота. Я несколько раз глубоко вздохнула и, постаравшись придать голосу твердость, произнесла:

– Все-таки Макс был моим мужем. Не надо его расчленивать. Давайте бросим тело в воду.

Кирилл подошел к Максy и потянул его за ноги. Верка помогала ему. Я безучастно стояла в стороне. Прикоснуться к телу было выше моих сил. На минуту мне показалось, что это глупый и кошмарный сон. Сейчас зазвенит будильник, и я проснусь. Но все это происходило наяву.

– Ну что ты там застряла, пошли! – прикрикнула на меня Верка.

Ее голос подействовал отрезвляюще. Вздвогнув, я побрела вслед за ними. У ближайшего болота Кирилл привязал на шею Максy довольно приличный камень и скинул труп в воду. Я тупо наблюдала за происходящим и была словно каменная.

– Что встала как вкопанная? – утерев пот, пробурчала Верка. – Возни с тобой, Дашка, не оберешься!

– Хочу запомнить место, где мы его похоронили, если, конечно, это можно назвать похоронами.

– Ты что? – опешила Верка.

– Ничего. Хочу цветов принести.

– Зачем?

– Тебе, Верка, этого не понять, ты с детства черствой была. Вот закажу венков, приду сюда и брошу его в воду, а затем буду стоять и смотреть, как он плавает.

– Верка, утоми эту дуру. Так и до психушки недалеко. – Кирилл опустился на корточки и тщательно вымыл руки. – Да ладно, не трогай ты ее. У нее шок. Это пройдет.

Вернувшись на старое место, мы быстро собрали вещи. Как добрались до города, я не помню. Верка с Кириллом решили поехать ко мне. Открыв дверь квартиры, я, не снимая кроссовок, прошла в комнату и осторожно присела на краешек дивана. В комнате ощущалось присутствие Макса. На спинке стула висели брюки, на столе лежали сигареты, а у входной двери стояли его тапочки... Верка села рядом и слегка приобняла меня за плечи. Кирилл достал из холодильника водку, разлил ее по рюмкам и встал у окна. Я залпом выпила свою порцию и смахнула набежавшие слезы. Все молчали.

– Дашка, я твою пушку в болото кинул, – сказал наконец Кирилл. – Я, конечно, понимаю, она денег стоит. Ты изрядно потратилась на эту вещицу, но в таком деле лучше о деньгах не думать. Пусть она покоится на дне болота. Там ее вряд ли кто-нибудь найдет. Даже если Макса обнаружат и опознают, то до пушки точно не доберутся. Я ее далеко закинул.

Я помотала головой:

– Кирилл, когда я подошла к Макс, он сидел, прислонившись к березе. Я хотела с ним поговорить, но он не ответил: его грудь была в крови. Я не сразу поняла, что он мертв.

– Наверное, ты и сама не понимала, что делала в тот момент. Ты просто забыла, что произошло. У тебя не отложилось это в памяти, – участливо сказала Верка.

Я резко вскинула голову:

– Хватит из меня дуру лепить! Если бы я Макса убила, то обязательно запомнила бы это, но я его не убивала!

– А кто ж тогда его убил? – растерянно спросила Верка.

– Может, Кирилл?

– Ага! Самая умная нашлась! – истерично воскликнул Кирилл. – Где бы я, по-твоему, такую дорогую пушку взял?! У меня и денег-то таких никогда не было. Знаешь, сколько такая игрушка стоит? Тысячу долларов! А я и сотни баксов своей не имел. Если бы даже у меня такие деньги завелись, то я не дурак их на пистолет тратить. Уж я бы нашел им применение, поверь. Мозги включи – на фига мне его убивать?

– Но ведь кто-то убил моего мужа!

– Ты и убила, – в один голос произнесли моя сестра и ее муж.

– Я не убивала.

– А кто тогда?

– Вы! Вы сговорились и сделали это, когда я сидела у ручья. Просто вы не хотите мне в этом признаваться. Что вы задумали?

– Мы не убивали! – покрылась красными пятнами Верка.

– Значит, убил Кирилл, больше некому.

– Мой муж не убивал!

– Откуда столько уверенности?

– Мой муж не убивал Макса! Он никогда от меня ничего не скрывает!

– Получается, что ты своему мужу доверяешь больше, чем мне? Очень жаль. А я-то думала, что мы с тобой понимаем друг друга с полуслова... Уж не знаю, зачем вам надо сваливать на меня убийство Макса, но в любом суде я смогу доказать свою невиновность. Да, я хотела убить его, но это еще не значит, что я и в самом деле смогла бы это сделать. Если уж на то пошло, я никогда в жизни не держала в руках пистолета. Я даже не знаю, как из него стреляют.

– Даша, но ведь Макс убит! – округлила глаза Верка. – Когда я пошла тебя искать, он спокойно сидел рядом с мангалом и уплетал шашлык. Сколько мяса перевел, зараза! Ладно, бог с ним, с этим мясом.

– А я почти сразу отправился за Веркой, – сказал Кирилл. – Макс еще мясо похвалил: свежее, мол, прямо во рту тает. Ну я и пошел за вами.

– Может, он сам застрелился? – Голос мой предательски дрожал.

– С чего бы ему стреляться? – замотала головой Верка. – Жил, как у Христа за пазухой. А вот ты, Дарья, в последнее время была на грани самоубийства. Постоянные истерики, депресии, скандалы. Знаешь, как я за тебя переживала! Я даже боялась, что ты не выдержишь, сломаешься и этот придурок сдаст тебя в дурдом, а для меня спокойствие и счастье моей сестры очень важно. Я всегда хотела, чтобы в один прекрасный день ты ушла бы из стриптиз-бара и вышла замуж за Глеба.

Верка замолчала, а я, наклонив голову, стала усиленно тереть виски.

– Мы же обсуждали все подробности этого гребаного пикника тысячу раз, – продолжил разговор Кирилл. – Я прихватил с собой хорошую железную кирку, для того чтобы ударить его по голове, а потом стал дожидаться подходящего момента, ведь не так просто взять и убить человека. На это нужен специальный настрой... Я хотел, чтобы он принял на грудь побольше спиртного. Думал, подойду сзади и огрею твоего Макса по никчемной голове.

– А почему не огрел? – спросила Верка.

– Почему, почему – по кочану! Макс, между прочим, мне другом был, просто он по жизни такой невезучий, пассивный, что ли. Ведь мы с ним еще пацанами познакомились. Он ведь в школьном ансамбле пел, девчонок во дворе тискал, мечтал в юридический поступить, а потом, как на Дашке женился, так его не в ту сторону повело. Изменился до неузнаваемости. Сам себя измучил.

– Ты хочешь сказать, что это я во всем виновата? В том, что он три года у телевизора просидел? Видишь, кресло как продавилось! Ты хочешь сказать, что я виновата, что он зубной щеткой не пользовался и душ не принимал?! Что он из меня все соки вытянул и руки по поводу и без повода распускал?! – не сдержалась я.

– Ничего я не хочу сказать. Не знаю, почему он так изменился. Был нормальным парнем, а потом изменился – не узнать. Больно было смотреть, как он деградирует. Я тебя, Дашка, жалел, да и Верка мне все уши прожужжала: убей ты этого подонка, и все тут. Но я не мог, понимаешь, не мог. Это только кажется, что так просто убить, но это совсем не так. Убить очень тяжело, а самое главное – страшно. Это только в книжках да еще в боевиках, что по телику крутят, легко получается. Если честно, я бы не смог этого сделать. Любой вопрос можно решить миром. Зачем кровопролитие? Если вы с Максом так плохо жили, нужно было расстаться по-хорошему. Мы бы все попытались его образумить. В конце концов, он человек и должен иметь хоть какие-то понятия!

– Какие, к черту, понятия?! – криво усмехнулась я. – У него их никогда не было.

– Может, ты и права, но я как-то не ожидал, что все произойдет так быстро. Почему ты ничего не сказала нам про эту пушку? Даже страшно подумать, что было бы, если бы Макс выхватил ее у тебя! Ведь это же чистая случайность, что у тебя все получилось. Верка говорила, что у вас нет друг от друга никаких секретов. Ладно, теперь уже все позади. Теперь нужно делать вид, что ничего не случилось. Ушел Максим, и нет его. Для окружающих вы просто поссорились. Макс хлопнул дверью и ушел...

– Заткнись! – перебила я Кирилла.

– Что ты сказала?

– Что слышал! Верка, пусть этот придурок уйдет из моего дома. Сил нет его слушать.

Верка посмотрела на рассвирепевшего Кирилла и тихо произнесла:

– Кирюш, уйди, видишь, в каком она состоянии. Подожди меня на лавочке у дома. Я скоро спущусь, и мы поедем домой.

– Вот гадина, – процедил сквозь зубы Кирилл. – Я ей помог от трупa избавиться, следы преступления скрыть, а она меня прогоняет. Да ты на меня молиться должна за то, что я тебя в милицию не сдал. Думал, помогу по-родственному, а ты, значит, вот как...

– Закрой дверь с обратной стороны, – отчеканила я.

Кирилл повернулся к Верке:

– Я думаю, нам больше не о чем говорить с этой неблагодарной тварью. Давай поторапливайся, хватит с ней церемониться!

Когда за Кириллом закрылась дверь, я посмотрела в глаза сестре:

– Веруня, но ты-то хоть мне веришь?

– О чем ты?

– Верка, я правда никого не убивала.

– Ну, не убивала, значит, не убивала...

– Ты же мне всегда верила. Ты же любила повторять, что мы с тобой одной крови. Что изменилось?

– Дарья, успокойся. Тебе нужно прийти в себя. Ложись и хорошенько выспись.

– Ты что, издеваешься?! Разве я могу выспаться в таком состоянии! Мне кажется, что я скоро сойду с ума.

– Не сойдешь! Возьми себя в руки. Я поехала домой, а завтра тебе позвоню.

– Завтра утром я уеду в Москву.

– Если хочешь, мы вместе пойдем за билетом. Тебе и в самом деле лучше уехать, чтобы все это забылось, как страшный сон, да и таких мужиков, как твой Глеб, надолго нельзя оставлять одних. Уведут прямо из-под носа, не вернешь потом.

– Он же не конь, чтобы его уводили.

– Мужики хуже коней. Я даже не знаю, с каким животным их можно сравнить. Завтра утром я буду у тебя.

– Только приезжай без Кирилла. Я не хочу его видеть.

– Почему?

– Потому что он убийца. Он убил Макса.

Верка встала и направилась к выходу. У двери она остановилась и строго сказала:

– Дарья, давай без глупостей. И запомни, если ты хочешь, чтобы я верила тебе, то не смей клеветать на моего мужа. Я тебе позвоню. Увидимся завтра утром.

Проводив Верку, я упала на диван и в голос зарыдала.

– Господи, за что мне все это, – шептала я, глотая слезы. – Проклятый Макс, ведь по тебе полгорода вздыхало, ну почему ты свалился именно на мою голову! Мог бы осчастливить какую-нибудь дуру. Я бы немного пострадала и забыла. А теперь... Что же теперь делать?..

Мой взгляд упал на газету, валявшуюся на полу. Эту газету Макс читал сегодня утром. Сегодня утром он был еще жив. Рядом с газетой лежал пульт от телевизора. Этим пультом он мог щелкать с утра до вечера. А когда в нашем доме появилось кабельное телевидение, Макс вообще перестал выходить на улицу. Этот боров вставал с дивана лишь для того, чтобы пожрать или посидеть на унитазах.

Я дотянулась до бутылки с водкой и налила себе полный стакан. Все, что у меня есть, – это внешность. Внешность – моя козырная карта, мое главное оружие. Я всегда была красивой девочкой, наверное, именно поэтому Максим обратил на меня внимание, а ведь он был парень хоть куда. Кто бы мог подумать, что такой супермен за короткий срок превратится в грязное, вечно ноющее животное, которое будет мешать мне жить и строить пакости.

Мне вспомнился тот момент, когда Макс зашел в хореографическую школу за своей подружкой и увидел меня. Я стояла в коридоре в белоснежной коротенькой юбочке и завязывала пуанты. Макс подмигнул мне и прошел в актовый зал посмотреть, как я танцую. В тот день был экзамен, и я ужасно волновалась. В зале сидела комиссия, выставявшая нам оценки за полугодие. Заиграла музыка, я вышла на сцену и полностью отдалась танцу. После экзамена Макс пошел провожать меня домой. По дороге мы обменивались впечатлениями о прочитанных книгах, просмотренных фильмах, строили планы на будущее. Я удивлялась тому, что наши вкусы совпадают, и хотела, чтобы только что зародившиеся отношения переросли в нечто большее. Мы встречались с Максом два года, и мне казалось, что я самая счастливая девушка на свете. А затем была пышная свадьба, после которой начались серые семейные будни... Для того чтобы замазывать синяки, поставленные Максом, мне понадобились килограммы тонального крема. Сначала я думала, что так живут все, и не строила никаких иллюзий. Но прошло какое-то время, и я поняла, что глубоко ошибалась. В моей жизни появилась ночная Москва с манящими огнями ресторанов и клубов. Работая в баре, я наблюдала за шикарными женщинами в ареале французских духов, за их кавалерами с кучей баксов в кармане. Они легко расставались с деньгами и за один вечер могли потратить столько, сколько я не получала за целый месяц. А потом я познакомилась с Глебом...

При мыслях о Глебе у меня учащенно забилося сердце. Я посмотрела на часы и решила, что еще смогу успеть на последний поезд до Москвы. Я не хочу оставаться в этой квартире ни на минуту. Тут все напоминает о Максе. Эта малогабаритная двушка досталась нам от его бабушки. Когда мы въехали сюда спустя несколько месяцев после свадьбы, нам казалось, что

лучшего варианта не придумаешь: еще бы – совсем одни! Было время, когда мы были тут безумно счастливы. Было, но прошло...

Я почувствовала, что пьяна, но пока еще могу стоять на ногах. Взяв сумку, принялась лихорадочно собирать свои вещи. Открыла шкаф, достала несколько кофточек и бросила их на диван. На костюмы Макса я старалась не смотреть. В тайнике за стенкой лежала заначка – две тысячи долларов. Макс мечтал о новом «жигуленке» и не разрешал мне прикасаться к этим деньгам. Вот скотина! Можно подумать, это он их заработал!

Сунув деньги в карман, я улыбнулась – машина Максусу теперь уже не пригодится, а мне эти баксы будут в самый раз.

Зазвонил телефон. Я сняла трубку и перевела дыхание.

– Как ты? – раздался Веркин голос.

– Нормально.

– Ложишься спать?

– Нет. Я уезжаю в Москву.

– Когда?

– Прямо сейчас. Я стою с сумкой у дверей.

– Ты в своем уме?

– В своем, в своем, можешь не переживать.

– Ты пьяна?

– Может быть. Ладно, мне некогда, скоро поезд. Я позвоню тебе из Москвы. Мой телефон ты знаешь.

Я бросила трубку. Телефон опять зазвонил. Ладно, пусть звонит сколько влезет. Я не желаю видеть ни Верку, ни ее муженька. Так не делается. Если кто-то из них убил Макса, то вовсе не обязательно все сваливать на меня. Могли бы и признаться, ведь я сама была заинтересована в смерти мужа. Открыв дверь, я вышла из квартиры и поехала на вокзал.

Глава 3

Через пару часов я сидела в купе и смотрела в окно. В ушах гудело, мысли путались. Я закрыла глаза и попыталась задремать, но у меня ничего не получилось. К горлу подкатывала тошнота. Интересно, Макс видел того, кто в него стрелял? Скорее всего, это был Кирилл. Представляю, что почувствовал мой муженек, когда увидел направленный на него пистолет, ведь стреляли не в спину, а в грудь. Кстати, а почему именно в грудь? Насколько я понимаю, в спину выстрелить гораздо проще. Неужели Кирилл хотел, чтобы Макс видел, от кого он принимает смерть? А что, если Кирилл тут ни при чем? Но тогда кто же все-таки стрелял? Кому понадобилось убивать Макса? Бред какой-то! У Макса был только один враг – я, остальным было глубоко наплевать на его существование.

Мне вспомнился вечер, когда я сидела у Верки дома и, рыдая, просила ее помочь избавиться от Макса. Я рассказала про Глеба, про блестящие перспективы в столице, показала синяки, которые приходилось тщательно замазывать перед каждым выступлением в стриптиз-баре. Кирилл согласился взять на себя роль палача. В качестве орудия убийства он предложил использовать железную кирку, невесть как оказавшуюся у них в кладовке. Однажды они пришли к нам якобы на чай, прихватив кирку с собой. Тогда у нас ничего не получилось. Кирилл нервничал, часто курил, отвечал невпопад – словом, производил впечатление тяжело больного человека. Все закончилось тем, что он опрокинул на себя чайник с кипятком и его пришлось увезти в больницу. Да, правильно говорят: от любви до ненависти один шаг. Ведь я когда-то любила Макса, восхищалась им, а потом куда-то все пропало. Неужели у всех так бывает: выходишь замуж за одного человека, а через год обнаруживаешь, что живешь совсем с другим...

Неожиданно по щекам потекли слезы. Мне стало жалко себя, Макса, нашу несложившуюся семейную жизнь... Я тысячу раз представляла смерть Макса, посылая проклятия на его голову, но я никогда не смогла бы осуществить на деле свои планы...

– Девушка, вам плохо? Может быть, я чем-то могу вам помочь?

Я открыла глаза и увидела незнакомого мужчину, сидящего напротив. Боже мой, я даже не заметила, когда он зашел в купе. На верхней полке лежал дедуля и с интересом разглядывал меня.

Рядом со мной сидела пожилая женщина, с аппетитом жевавшая пирожок. Я вздрогнула и поправила волосы.

– Не плачь, дочка, все будет хорошо, – улыбнулась моя попутчица и протянула кулек с пирожками. – Угощайся, этот с яблоками, а хочешь, с мясом достану?

– Нет. Спасибо, – замотала я головой. – Извините.

Я вышла из купе и встала у окна. Поезд мчал меня в Москву. Наш маленький городок остался далеко позади. Где-то там, в болоте, лежал Макс, убитый Кириллом, а может быть, и не им. Мне уже было все равно. Какая разница, главное – я свободна, свободна, как птица, и завтра начнется наконец новая жизнь.

Дверь купе открылась. Рядом со мной встал мужчина, пять минут назад предлагавший свою помощь.

– В шесть утра будем на месте, – сказал он. – Вас встречают?

– Нет.

– Странно, такую красивую девушку никто не встречает?

– Никто.

– Ваш друг такой ленивый или его пока не существует?

– Он даже не знает, где я живу, – улыбнулась я. – Знает, что я провинциалка, а подробностями никогда не интересовался.

– Может, он вас просто не любит?

– Любит. Он очень сильно любит меня. Просто у него тяжелая работа, и голова постоянно забита какими-то делами. Придет время, и он будет встречать меня с букетом алых роз. Скоро мне незачем будет возвращаться в свой богом забытый городишко. Меня там ничего не держит. Говорят, где родился, там и содился, но я так и не нашла применения своим силам на родине. Как и многих, меня влечет Москва, и я сделаю все, чтобы удержаться в этом городе.

– А вы не против, чтобы посидеть немного в ресторане? Можно выпить коньячку. Я бы тоже хотел расслабиться. У меня сегодня был удачный день. Я привык отмечать удачные дни. Составите мне компанию?

– Можно, – пожала я плечами.

Мы прошли в полупустой ресторан и сели за дальний столик.

– Меня никогда не прельщали такие рестораны, но, за неимением лучшего, это тоже вариант. Тут все как в застойные времена. Те же железные тарелки и отвратительная кухня, – сказал мой спутник. – Что будем есть и пить?

– Заказывайте на свой вкус. Я не голодна, но от чашечки горячего кофе, пожалуй, не откажусь.

– А может, чего покрепче?

– Нет. Покрепче я уже сегодня пила. Дело в том, что днем я была на пикнике...

– Теперь понятно, а я с утра ничего не ел. Думаю, вы не будете возражать, если я основательно закушу и выпью грамм сто пятьдесят водки?

– Пожалуйста, – безразлично ответила я и отвернулась к окну.

Перед глазами стояли Верка, Кирилл и мертвый Макс. Верка с Кириллом тащили Макса к болоту, а я шла рядом и боялась до него дотронуться. Наверное, он был холодный, ведь покойники всегда холодные, а может, он еще не успел остыть...

– Что же вы не пьете кофе? – Услышав голос незнакомца, я вздрогнула.

– Извините, задумалась о своем...

– У вас, наверное, большие проблемы, – улыбнулся незнакомец, с удовольствием уплетая борщ. – Не буду спрашивать о том, что у вас случилось. Я вообще не привык совать нос в чужие дела. Будем надеяться, что все обойдется.

– Что обойдется? – спросила я, с удивлением посмотрев на незнакомца.

– Любые неприятности когда-нибудь заканчиваются, – пояснил он. – В жизни всего отпущено поровну. Полоса неудач обязательно сменится радостными событиями. Кстати, я не люблю навязываться, но все же предлагаю наконец познакомиться, а то как-то неудобно. Все-таки сидим за одним столом.

– Даша, – выдавила я улыбку.

– Сергей, – поцеловал мне руку незнакомец. – Вам в Москве есть где остановиться?

– Я снимаю квартиру в спальном районе. Одной снимать очень накладно, поэтому со мной живут еще две девочки.

– Вы студентка?

– Нет, я стриптизерша.

Мой новый знакомый подавился и долго не мог прокашляться. Я постучала его по спине и равнодушно спросила:

– Вы что, никогда не слышали о такой специальности?

– Почему, слышал. – Сергей покраснел до кончиков ушей. – Просто у вас специальность такая... редкая.

– Я бы этого не сказала. В Москве стриптиз-бары есть в каждом районе, так что моей специальностью уже давно никого не удивишь.

– Простите, и много вы получаете за свой труд?

– Немного. Кроме того, нужно заплатить за квартир у, одеться. Возвращаемся с работы мы поздно, метро уже закрыто, поэтому приходится тратиться на такси. Но все же я получаю чуть больше, чем получает врач, учитель или воспитатель детского сада. Очень сильно выручают приработки. Это когда нас заказывают на свадьбу, день рождения или какое-нибудь торжество. На заказе можно слупить хорошие деньги. Правда, это бывает не так часто. Наш хозяин против таких заказов. Он предпочитает, чтобы мы танцевали в баре.

– А как же интим? – слегка помявшись, спросил Сергей.

– Интим исключен. Мы не проститутки, а стриптизерши. Это большая разница. Очень часто люди думают, что девушки, исполняющие стриптиз, зарабатывают себе на жизнь телом. Но если бы хоть одна из нас переспала с посетителем, то ее бы моментально уволили.

Я допила кофе и стала смотреть на мелькающие за окном огоньки. Вскоре мне это надоело, и я перевела взгляд на нового знакомого. На вид ему было около сорока, похож на боксера. Крупный нос, скошенный набок, возможно, его когда-то перебили и он неудачно сросся, пухлые губы и голубые глаза. «Боксер» наяривал бифштекс, запивая его водкой. Через пару минут к нашему столику подошел официант. «Боксер», подняв голову, что-то прошептал ему на ухо. Я вздрогнула – за ушными раковинами у моего нового знакомого виднелись едва заметные маленькие рубцы. Кожа в этих местах была сильно натянута, казалось, что она может лопнуть в любой момент. Так как мой покойный отец был пластическим хирургом, я довольно хорошо разбиралась в шрамах и могла почти безошибочно угадать их происхождение. В том, что «боксер» поменял внешность, я не сомневалась. Папа часто делал такие операции, разумеется, тайно и за большие деньги. Одна из них закончилась трагедией. Как-то к папе пришел рецидивист, который находился во всероссийском розыске, и попросил изменить его до неузнаваемости. Папа согласился, операция прошла успешно, но после того, как пациент выпи-сался, моего отца убили. Просто закололи пикой, и все. Кто это сделал, не знаю. Может, тот самый рецидивист, а может, кто-то другой. Наверное, папу убрали как ненужного свидетеля. С тех пор я на всю жизнь усвоила одну простую истину: нормальному человеку незачем менять свою внешность. Раз он идет на это – значит, он где-то крупно прокололся и от него нужно держаться подальше.

Я еще раз с ужасом посмотрела на шрамы за ушами «боксера» и почувствовала, как защемило в груди. «Боксер» поднял голову и улыбнулся:

– Заказал креветок и еще немного водочки.

– Я бы тоже выпила водки, – томно произнесла я.

«Боксер» моментально подозвал официанта. Тот принес вторую рюмку, бросив на меня заинтересованный взгляд.

– За удачу, – улыбнулся мой спутник и выпил свою порцию.

– За удачу, – повторила я и проделала то же самое.

Если этот человек из нашего городка, то он непременно должен был знать моего отца, потому что в нашем городке за такие операции больше никто не брался. Если он из Москвы, то вероятность знакомства полностью исключена, потому что в больших городах такие операции делают на каждом шагу. Спрашивать ни о чем нельзя, так как если этот «боксер» скрывается от органов, то может запросто наказать меня за излишнее любопытство.

– Как самочувствие? – спросил он меня.

– Паршиво, – пожалала я плечами и постучала пальцами по столу. – Скажите, а вы москвич?

– Я не имею определенного места жительства. Я – как вольный ветер. Две недели там, две недели сям. Завтра в Москве, послезавтра могу быть во Владивостоке, а через пару дней в Магадане.

– Это у вас профессия такая, связанная с командировками?

– Профессия, – усмехнулся «боксер» и окинул меня таким нахальным взглядом, что показалось, будто я сижу перед ним голая.

Сделав безразличный вид, я как ни в чем не бывало спросила:

– А в нашем городке по работе были?

– По работе, – коротко ответил он.

Ужин закончился, и мы отправились в свой вагон. Остановившись в тамбуре, «боксер» протянул мне сигарету и спросил:

– Куришь?

Я не ответила, взяла сигарету и в который раз подумала о Максе. Прошлой ночью мы лежали с ним в одной постели, но под разными одеялами. Мы давно спали под разными одеялами. Так захотел Макс. Просто однажды вечером он сказал, чтобы я достала ему второе одеяло. Я попыталась возмутиться, мол, зачем мне стирать лишний пододеяльник, но он настоял на своем. «Ну и пусть», – подумала я тогда, а потом привыкла и даже получала от этого удовольствие. Под одним одеялом я спала с Глебом. Глеб прижимал меня к себе и шептал на ушко ласковые слова. С Максом все по-другому. Я надевала длинную ночную рубашку, закутывалась до бровей и поворачивалась к нему задницей. Макс проделывал то же самое, и я начинала жалеть о том, что в нашей квартире всего одна спальня, потому что мне бы хотелось спать со своим собственным муженьком не только под разными одеялами, но и на разных кроватях. Наверное, именно с разных одеял у нас началась разная жизнь.

Я опомнилась, подняла глаза и посмотрела на попутчика. В тамбуре горел тусклый свет, и рубцов не было заметно, но я-то знала, что они есть! Сердце мое учащенно билось. Если этот человек поменял свою внешность – значит, у него были причины, а если у него были причины, то он не так прост, каким старается казаться.

– Вы постоянно о чем-то думаете...

– Что? – вздрогнула я.

– Я говорю, что вас, кажется, очень сильно беспокоят какие-то обстоятельства.

– Да так, пустяки.

– Вы уверены, что вам не нужна помощь?

– Уверена.

– Ты где танцуешь? – спросил он, перейдя на «ты».

– Что? – переспросила я, ощутив, как по моей спине пробежал холодок. Может быть, мне вообще не стоило говорить ему, чем я занимаюсь? Но теперь уже поздно раскаиваться, тем более что я не привыкла скрывать свою профессию.

– Так где? – «Боксер» взял меня за локоть и пристально посмотрел в глаза.

– Во «Фламинго». – Я отдернула руку и попятилась к двери.

– Я что, тебя напугал? – засмеялся он. – Неужели я такой страшный?

Ничего не ответив, я быстро открыла дверь и со всех ног бросилась в купе. Плюхнувшись на полку, постаралась отдышаться. Угораздил же меня черт пойти с этим придурком ужинать в ресторан! У меня своих проблем хватает, так нет, решила себе еще новые нажить. Идиотка!

Пожилая женщина ласково посмотрела на меня и извиняющимся тоном произнесла:

– Дочурка, ты молодая, ляг, пожалуйста, на верхнюю полку. Там рядом дед безобидный спит. А я наверно не могу. Сильно ворочаюсь, могу упасть.

Я кивнула и полезла на верхнюю полку. Дед не спал, вшестеро сложив газету, он разгадывал кроссворд. Я перевернулась на живот и уставилась в окно. Женщина легла на мое место и накрылась одеялом. Через минуту в купе вошел «боксер» и сел на свое место.

– Я девушку попросила верхнюю полку занять, а то я там спать не смогу, – объяснила женщина и закрыла глаза.

– Да по мне, пусть она хоть на крыше этого поезда спит, – буркнул «боксер» и, не снимая ботинок, растянулся поверх одеяла.

Дедуля выключил свет, я разделась, натянула на себя слегка влажную простыню и сжалась в комочек, прислушиваясь к каждому шороху. Затем, не выдержав, включила ночник.

«Боксер» поднял голову и посмотрел вверх. Я бросила на него равнодушный взгляд и каменным голосом произнесла:

- Не могу без света спать. Кошмары мучают.
- И часто тебя кошмары мучают? – спросил «боксер».
- А с чего бы это вы решили перейти на «ты»? – резко осадил я его.
- И часто вас кошмары мучают? – переспросил он, подчеркнуто вежливо выделив «вас».

Выпитое спиртное ударило мне в голову, непонятно откуда появилась сумасшедшая смелость. Мне захотелось сказать этому идиоту все, что я о нем думаю. Будь что будет! Во всяком случае, в купе, при свидетелях он меня не убьет.

– Кошмары мучают меня тогда, когда я вижу перед собой мужчину с прооперированным лицом, – отчеканила я, даже не думая отводить глаза.

В свете тусклого ночника я заметила, как «боксер» стал покрываться красными пятнами. Наверное, рубцы за его ушами посинели и набухли от перенапряжения. Ну и пусть, мне-то какое дело до него! Я отвернулась к стене и закрыла глаза. Монотонный стук колес клонил ко сну. Я не сопротивлялась навалившейся дремоте. Завтра рано вставать, да и в Москву не хочется приезжать с помятым лицом – надо отдохнуть. А «боксер»... Да пропади он пропадом! Завтра выйдет из поезда. И мы больше не увидимся. Тоже мне, проблему нашла!

Мне приснился Макс. Он лежал на диване и читал газету. Я сидела напротив и с грустью смотрела на диван. Этот диван мои родители подарили нам на свадьбу. Наверное, они мечтали о том, чтобы на нем сидели наши дети, а затем и внуки, но ровно три года с него почти не вставал Макс.

Открыв глаза, я обнаружила, что уже утро. Летом рано светает. Скоро мы подъедем к Москве. Надо собираться. Я приподнялась и увидела, что все уже встали. «Боксер» сидел у окна, не обращая на меня никакого внимания. Дедуля стоял у зеркала и расчесывал свою жидкую бородавку. Женщина пила чай, поглядывая на часы.

Я вспомнила, что это мое первое утро без Макса, и не смогла сдержать улыбки. Еще вчера, перед пикником, он закатил мне огромный скандал и ударил по лицу, а теперь меня никто и пальцем не тронет, никто! Я молода и хороша собой. В Москве меня ждет Глеб, которому вовсе не обязательно знать, что произошло в березовой роще за тридевять земель от столицы. Я свободна, и все! Макс лежит в болоте, а я еду в поезде. Его жизнь закончена, а моя – только начинается!

Высунув руки из-под одеяла, я сладко потянулась.

– С добрым утром, дочка, – приветливо улыбнулась женщина и показала на стакан чая. – Будешь?

«Тоже мне, мамуля нашлась», – ухмыльнулась я и быстро села, чуть не стукнувшись головой о багажную полку.

– Вы бы не могли выйти на пару минут, я хочу одеться, – сказала я, обращаясь ко всем сразу.

– Да что ты, доча, конечно, одевайся. Нам полезно немного постоять.

Женщина открыла дверь и вышла в коридор. Следом за ней – дедуля и мой новый знакомый, которому я вчера так некстати ляпнула ненужную фразу о его прооперированном лице. Повернув замок, я принялась одеваться. Затем свернула постель и положила ее вниз. Наклонившись за упавшей расческой, я увидела небольшую спортивную сумку, аккуратно задвинутую в небольшое пространство под нижней полкой. Вне всякого сомнения, эта сумка принадлежала «боксеру». Дедулины котомка и тележка стояли под столом, а вещи женщины находились на моей стороне. Мне захотелось открыть ее и посмотреть, что там внутри.

Интересно, что может возить человек, по неизвестным причинам изменивший внешность? Дурацкое любопытство взяло верх. Я быстро открыла молнию и на минуту замерла. В сумке лежал самый что ни на есть настоящий автомат Калашникова, АКМ, я не могла оши-

биться. Точно такой же я видела по телевизору в «Дорожном патруле». Его конфисковали у какого-то криминального авторитета. Я провела рукой по стволу и почувствовала, как по телу пробежала мелкая дрожь. Рядом с автоматом лежала вязаная черная шапочка. Я достала ее из сумки и потеряла дар речи. В шапочке были ровно три отверстия: два для глаз и одно для рта, ее можно натянуть до самой шеи. Надев шапочку, я подошла к зеркалу. На меня смотрел какой-то ниндзя. Взяв автомат, я приложила его к груди. В таком обмундировании можно брать любой банк или уж, на худой конец, обменный пункт. Неожиданно в дверь постучали, и я чуть не грохнулась в обморок. Нет, мое любопытство точно подведет меня под монастырь! Я положила шапочку на место, пристроила автомат, закрыла сумку и задвинула ее в угол. Затем трясущимися руками открыла дверь.

– Скоро Москва, – улыбнулся дедуля и сел у окна.

Я взяла полотенце и пошла умываться.

– Девушка, скоро станция. Давайте быстрее. Мне уже пора туалеты закрывать. Долго спите, – бросила мне вслед проводница.

– Я мигом, – буркнула я и ускорила шаг.

«Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – стучало у меня в голове. – Вот и тебе оторвут, если узнают, что ты лазила в сумку».

Через пять минут я вышла из туалета. Вдруг кто-то больно схватил меня за руку и потащил в тамбур. Я попыталась закричать, но мой рот закрыла потная мужская ладонь. Как и следовало ожидать, это был мой новый знакомый. Он прижал меня к стене и достал из кармана что-то острое и блестящее. До меня дошло, что это пика. Острая, блестящая, заточенная пика. Именно такой пикой закололи не так давно моего отца, закололи ударом в сердце... Незнакомец приставил пику к моей груди и слегка надавил. Я почувствовала неприятный укол и жалобно посмотрела на этого сумасшедшего.

– Мне больно, – прошептала я.

– Сейчас тебе будет еще больнее. Ты зачем, сучка, лазила в мою сумку? Тебя кто-то подослал? Ты что вынюхиваешь?

– Я не лазила в твою сумку, – соврала я, особо не надеясь на то, что он мне поверит.

«Боксер» ослабил хватку, но не отпустил.

– Я не лазила в твою сумку, – повторила я и почувствовала, как по щекам ручьем потекли слезы.

– Не ври, тварь! Я всегда над замком завязываю тонкую ниточку, чтобы потом было видно, вскрывали сумку или нет. Когда дергаешь за молнию, ниточка рвется. Невооруженным глазом ее никто не разглядит. Когда я зашел в купе, то почти сразу обнаружил, что она порвана. Ты лазила в мою сумку! Откуда ты знаешь про пластическую операцию? Ты первая, от кого я это услышал.

– Мой отец был пластическим хирургом. Он делал такие операции.

– Ты не ответила на мой вопрос: зачем лазила в мою сумку?

«Боксер» напряг руку, и пика проколола мою блузку. Я с ужасом посмотрела на него и прошептала:

– Я никому не скажу...

– О чем?

– Я никому не скажу, что видела в твоей сумке, честное слово. Я клянусь.

– Я не верю словам. Я верю только в одном случае: когда человек мертв.

Я хотела закричать, но «боксер» опять закрыл мне рот. Глаза его были безумны.

– Я ненавижу женщин, – прошептал он. – За то, что они ужасно любопытные. Твари. Я бы с радостью выколол этой пикой тебе глаза, чтобы ты никогда больше не увидела то, что ты не должна видеть. То, что тебя не касается.

Неожиданно дверь тамбура открылась, и рядом с нами остановились двое милиционеров. Я поняла, что спасена, и хотела закричать. «Боксер», моментально сориентировавшись, неуловимым движением спрятал пику в карман, прижал меня к стене и поцеловал в губы. Я не могла издать ни звука.

– Предъявите ваши документики, – произнес один из милиционеров, который по возрасту годился «боксеру» в сыновья.

«Боксер» на секунду оторвался от моих губ и быстро произнес:

– Командир, не вовремя ты со своими документами. Видишь, я с любимой прощаюсь, через несколько минут станция. Ты мне обламываешь последние минуты счастья. Ее сейчас муж встретит, и всё, а мне опять полгода следующей совместной поездки на курорт ждать.

Я хотела возразить, но тут же почувствовала весьма ощутимый укол. Все понятно: если я скажу хоть слово, этот ненормальный засадит мне пику в бок, даже не размышляя о том, что будет дальше. Я жалобно посмотрела на молоденьких ментов в надежде, что они все-таки проверят документы у моего «ухажера», но этот сумасшедший еще сильнее прижал меня к стене и стал терзать мои губы с такой силой, что я почувствовала вкус крови. Если так будет продолжаться, то через несколько секунд я просто потеряю сознание.

– Да ладно, Паша, пусть люди попрощаются, – улыбнулся один из ментов и покраснел до кончиков ушей, глядя на то, как «боксер» внаглую лапает меня за грудь.

– Любовь в документах не нуждается, – развел руками второй. – Счастливого продолжения отношений. Извините за причиненные неудобства и беспокойство, – засмеялся он и направился вместе с товарищем в другой вагон.

– Будь здоров, командир! – крикнул «боксер», свирепо посмотрев на меня.

В эту же секунду дверь снова открылась, и на пороге появилась проводница. В руках ее был веник, а во взгляде читались презрение и злость.

– Хватит тут обжиматься, как дети малые! – заголосила она. – Что, мест больше нет! Только мусор от вас. Приехали – Москва! Снимайте гостиницу и там обжимайтесь, а мне мести надо. Бессовестные!

Чудом собрав все силы, я наконец оттолкнула «боксера». Проводница выронила веник из рук и закричала мне вслед такое, что ей позавидовал бы самый изощренный матерщинник.

Поезд остановился, и пассажиры потянулись к выходу. Я заскочила в купе, схватила сумку и опрометью выскочила на перрон. «Боксера» не было видно. С его габаритами в узком коридоре, битком набитом людьми, особо не развернешься. Может, успею уйти?

На привокзальной площади я впрыгнула в такси и, задышавшись, прокричала шоферу:

– Быстрее!

– Куда и сколько? – безразлично спросил он.

– В центр!

– Сколько?

– А сколько тебе надо? – занервничала я, оглядываясь по сторонам. Увидев «боксера», я не задумываясь, выпалила: – Тысячу, тысячу! Ты только дави на газ. Понял? Где у тебя педаль газа? Включай мотор и дави!

«Боксер» увидел такси и, ухмыльнувшись, направился в нашу сторону. Я стукнула шофера по плечу, и он наконец, очнувшись, завел мотор.

Когда машина тронулась, я с облегчением вздохнула и даже нашла в себе силы помахать грозившему мне вслед кулаком бандиту.

– Орешь как резаная, – возмущался шофер. – Если ты мне такие деньги платишь, то это еще не значит, что ты имеешь право вести себя, как тебе заблагорассудится. Я привык, чтобы клиенты обращались со мной вежливо.

– Вежливость не покупается за деньги, – назидательно произнесла я, откинувшись на спинку. – Я же не виновата, что ты такой медлительный. Запомни, хороший водитель всегда

держит ногу на педали газа. Это на тот случай, если клиент хорошо платит и вдобавок во всему сильно торопится.

– Что случилось? – спросил шофер, но я не сочла нужным продолжать разговор и отвернулась. В конце концов, я плачу, а значит, и заказываю музыку.

– У тебя кровь на блузке, – услышала я голос шофера.

– Что?

– У тебя кровь с правой стороны.

Я опустила глаза и с ужасом посмотрела на блузку.

Она была запачкана кровью. На лбу выступил холодный пот. Не обращая внимания на водителя, я быстро расстегнула пуговицы. Все-таки этот ненормальный поранил меня своей чертовой пикой. Чуть ниже правой груди виднелся еле заметный порез, из которого тоненькой струйкой сочилась кровь.

– Вот черт, – растерянно прошептала я.

Шофер полез в бардачок, достал аптечку и протянул мне.

– Там есть вата и бинт. За твою тысячу могу оказать бесплатные медицинские услуги.

– Спасибо, без тебя обойдусь.

Я достала пузырек с зеленкой, смочила кусочек ваты и приложила к больному месту. Грудь сильно зашипало, перед глазами поплыло. Мне захотелось закричать, но я стойко перенесла адскую боль и вернула аптечку водителю.

Глава 4

Открыв дверь квартиры, я вошла в прихожую и блаженно вздохнула. Девчонок не было. Скорее всего, они на репетиции, разучивают какой-нибудь номер или готовят к выпуску новую концертную программу. Бросив дорожную сумку в угол, я сняла испачканную кровью блузку и отнесла ее в ванную. Сняв лифчик, подошла к зеркалу, осторожно отлепила пластырь и выкинула пропитанную зеленкой вату. Кажется, все обошлось. Такая маленькая царапинка заживет очень быстро.

Накинув легкий халатик, я открыла холодильник и обнаружила там бутылку бренди. Отлично, это то, что мне надо! Налив полный бокал, я с удовольствием выпила. Вот уж никогда не любила эту квартиру! Наверное, потому, что мы живем здесь вдвоем: я, Каролина и Тамарка. Каждый вечер мы танцуем голыми на сцене стриптиз-бара. Мы не проститутки, потому что не спим с мужчинами, а просто показываем им свои сиськи. Естественно, за деньги. Платят нам зажавшиеся новые русские, в зубах которых застревают остатки осетрины, а толстая жирная кожа покрыта потом.

Я никогда не стыдилась своей работы. Более того, я с удовольствием прихожу в стриптиз-бар. В нем сногшибательный интерьер, проектор с киноэкраном, приличная цветомузыка и прочие прикрасы, позволяющие на полную катушку отдохнуть тем, у кого есть баксы.

Перед выходом на сцену мне не приходится ютиться в тесной гримерке – хозяин расщедрился и выделил нам роскошную комнату, которой хватило бы на десятерых. У меня на столике дорогая косметика, оплаченная заведением. Я могу пить дорогой виски, охлажденный цветным фруктовым льдом, и есть вкусные маслины.

Я знаю, что девицы, танцующие в театрах, открыто презирают нас. Мол, они настоящие артистки, люди искусства, а мы – никто. Я всегда плевала на их мнение. Подумаешь, балерины! Вкалывать до седьмого пота за три копейки? Нет уж, это не по мне! Я ценю красивую жизнь, ради нее я готова пожертвовать многим. Кстати, Макс этого так и не понял. Ну и дурак, сам виноват, что его пристрелили на пикнике.

Я ужасно соскучилась по шикарному ярко-красному кружевному белью, которое надеваю перед выходом в зал. Мой лифчик делает грудь еще более эротичной, а трусики, едва прикрывающие лобок, выставляют напоказ упругие ягодички. Что еще? Кружевные колготки и лаковые шортики на «молниях», которые я могу мгновенно сбросить, длинные лаковые сапоги. На голове у меня изящная шапочка, украшенная страусиными перьями.

Я обожаю танцевать в свете мощного прожектора, умело направленного рукой осветителя на мою тонкую, хрупкую фигурку, позавидовать которой может любая топ-модель. Я, как никакая другая, умею показывать красоту своего тела. Я не вижу зрителей, потому что они в темноте, но слышу тяжелое дыхание и чуть ли не кожей чувствую, как набухают ширинки от возбужденной плоти. Я скидываю шортики и подхожу к блестящему металлическому шесту, стоящему рядом с роялем. Мне нравится тереться о него лбом, гладить руками, прикасаться языком и ощущать, какой он холодный. Этот шест похож на мощный фаллос, затвердевший в моих руках. Я не стесняюсь быть откровенной в танце, и зрители всегда воспринимают это на ура.

Именно такой меня увидел Глеб. Однажды, когда я играла с шестом, демонстрируя залу свою аппетитную попку, он бросил на сцену роскошный букет алых роз. В тот вечер я впервые изменила мужу, хотя раньше не делала этого никогда.

Не буду скрывать, многие стриптизерши не отказываются от интима, если знают, что могут сорвать на этом дополнительные деньги, возможностей у них предостаточно. Взять, например, консумацию. Лично я ее ненавижу. Заключается она в том, что, по желанию гостя, девушка, оттанцевавшая свой номер, выходит в зал и подсаживается за столик. Она должна

развлекать гостя, раскручивая его на дорогие коктейли и закуски. Иногда хозяин сам указывает нам, кого надо «взять на крючок». Оплата – определенный процент от суммы заказа. Постель – по желанию. Это хозяин не запрещает, но и не поощряет. В баре и так полно штатных путан. Отказаться от консумации нельзя: она входит в наши обязанности. Бывает и так, что особо ретивые клиенты склоняют нас к постели насильственными методами. Тогда мы обращаемся к охране, которая старается мирно урегулировать конфликт, предлагая воспользоваться услугами проституток. Девочки у нас что надо, поэтому проблем почти не возникает. Но пару раз я нарывалась и на таких, которые грозили отыметь меня после работы, поджидая у входа в автомобиле. Но и из этой ситуации есть выход. Как правило, мы пользуемся черным ходом, а на улице нас поджидает специально заказанное такси. Насколько я знаю, консумация есть почти во всех столичных клубах и стриптиз-барах. Ее нет только в больших ресторанах, где тоже показывают стриптиз. Там не нужно спускаться в зал и развлекать жирных мордоворотов. Отсюда и маленькие заработки. В ресторанах девушки получают почти в пять раз меньше, чем мы. Фактически они танцуют за мизер. Мы же получаем неплохие деньги, но они тут же испаряются после оплаты квартиры, питания, покупки спиртного, сигарет, приобретения личных шмоток.

Я обожаю танцевать, когда в зале сидит Глеб. О своем визите он сообщает заранее, поэтому я тщательно готовлюсь к выходу. Чтобы поразить его, я беру у оркестрантов саксофон и вытворяю с ним такое! Зал пыхтит и взрывается аплодисментами, а я извиваюсь, сбрасывая с себя чисто символические предметы одежды.

Все свои танцы я придумываю сама. У нас нет хореографа. В стриптиз-барах такая должность не предусмотрена. Все держится на интуиции. Стриптизерша не сможет работать, если она не умеет фантазировать. Я сама себе и костюмер, и модельер, и швея, и гример, и хореограф. Нужно просто танцевать не для зала, а для себя. Тогда все получится.

Я выхожу из бара в пять утра. Уставшая, выжатая как лимон, но все же довольная. Хотя бывает и так, что нервы сдают. В такие минуты я закрываюсь в гримерной и громко реву.

Мое настроение зависит от публики. Я не люблю выступать перед молокососами. У них красные глаза, садистский взгляд и проколотые вены. Их карманы набиты кокаином и таблетками «экстази». Если бы в наш бар впускали с оружием, то они бы перестреляли всех посетителей. Люди среднего возраста, даже крутые паханы, ведут себя прилично, но эти же напоминают настоящих скотов. Они заказывают дорогие коктейли и требуют секса. Понимая, что я всего лишь танцовщица, ругаются матом и обещают после работы открутить мне голову. Нередко дело доходит до скандала. Охрана удаляет молокососов из зала, а я боюсь потом встретиться с этими отморозками в темном переулке. Да, меня защищают, но только в рабочее время, а за вредность нам никто не платит...

...Неожиданно в двери щелкнул замок, и на пороге появилась Каролина. Она была ужасно бледна и расстроена. Не обращая на меня никакого внимания, Каролина, не разуваясь, прошла на кухню и открыла холодильник. Достав бутылку бренди, налила себе полный стакан, тут же осушила его и закурила длинную сигарету с ментолом. Опустившись на стул, она тупо уставилась в окно, стряхивая пепел прямо на пол. Я захлопнула входную дверь и села напротив.

– Каролина, привет. Ты что, не видишь, что ли, что я приехала?

– Вижу, не слепая, – безразлично ответила она, не отрывая взгляда от окна.

– К черту отпуск! Сил моих нет сидеть в этой деревне! Я решила приехать раньше времени и выйти на работу.

– Правильно сделала. Хозяин собирался позвонить тебе, чтобы ты немедленно вышла на работу. Иначе тебя уволят.

– Как это уволят?! – возмутилась я. – Я была в законном отпуске! Я три года пахала без отдыха. Сама знаешь!

– Еще столько же пахать будешь! На нашей работе отпуска не положены. А таких, как ты, полная Тверская тусуется, и каждая мечтает устроиться в какой-нибудь захолустный бар на окраине за жалкие гроши, а мы все-таки танцуем в центре и за приличные деньги. Тоже мне, профессионалка нашлась! Таких профессионалок хоть жопой ешь. Просто нам повезло немного больше, чем другим. Не забывай, что могут уволить в любой момент за малейшее опоздание, прогул или непослушание. В нашей профессии не бывает отпусков, болезней, плохого настроения и месячных. Даже в критические дни, когда низ живота ломит от боли, ты обязана вставить тампакс, надеть на лицо улыбку и выплясывать как ни в чем не бывало.

– Каролина, что за настрой? Раньше я от тебя таких высказываний не слышала... И вообще, какого черта ты сбрасываешь пепел на пол? Сегодня чья очередь убирать квартиру? Если моя, то я к твоему пеплу даже не притронусь! Что за свинство? Где Тамарка?

– В больнице.

– В больнице? Аборт?

– Нет. Она в реанимации. Ночью ей сделали две операции. Я только что от нее приехала.

– Что случилось? – Я нервно достала сигарету и закурила.

– Вечером, когда она исполняла свой номер, какой-то придурок плеснул на нее серной кислотой. Попал прямо в лицо. У нее больше нет лица, понимаешь?

– Не понимаю, – испуганно произнесла я.

– Серная кислота разъела ей лицо, шею, уши до мяса. Она потеряла зрение.

– Она будет жить?

– Будет. Только кому нужна такая жизнь?! Она будет слепой уродиной, понимаешь, уродиной?! Люди будут шараться в сторону при виде ее. Она теперь инвалид, Дашка, жалкий, никому не нужный инвалид.

– Неужели нельзя сделать что-либо с внешностью? – произнесла я со слезами на глазах. – Ведь за границей делают прекрасные пластические операции. Если там из негра делают белого, то, значит, лицо можно восстановить, а повезет – так и зрение тоже.

– Зрение не восстановишь. У нее полностью сожжена сетчатка. Глаз больше нет, словно никогда не было. Там нечего восстанавливать. А насчет лица... Ты знаешь, сколько стоят такие операции? Не сотни долларов, а десятки тысяч. Это сумасшедшие деньги! Тем более что ей потребуется не одна операция, а несколько. Где она возьмет такие бабки? Не найдет!

– Это же производственная травма, полученная на рабочем месте! Пусть за лечение платит хозяин, ведь это он виноват в том, что какой-то недоумок смог пронести в бар кислоту.

– Ага, жди, заплатит он! Не дождешься! Знаешь, что он сделал после того, как это случилось?

– Что?

– Он вызвал «скорую» и тут же уволил Тамарку. В связи с тем, что она потеряла товарный вид. Он не дал ни копейки на ее лечение! Ни больничного, ни пособия, ничего! Просто взял и уволил. А потом он объявил конкурс на Тамаркино место, чтобы оно не пустовало. Ты бы видела, сколько девчонок пришло! Им до лампочки, что случилось с их предшественницей, потому что им нужны деньги. Претендентка уже отобрана. Сегодня вечером нам придется с ней познакомиться. А наша Тамарка, которая честно отработала на хозяина три года, лежит в реанимации, и ее даже никто не проведаль! Она, конечно, выкарабкается и вернется на свою Украину, но уже слепой уродиной.

– Каролина, но это же бесчеловечно! По моим понятиям, если в баре произошел такой жуткий инцидент, то как минимум бар нужно временно закрыть, найти этого ненормального, обеспечить достойную охрану, ужесточить контроль при входе и заплатить за лечение нашей подруги.

– Ненормального и так нашли. Он обычный пациент психиатрической больницы, которого выписали домой. Этот сумасшедший чуть ли не ночевал в приемном покое в надежде

попасть обратно, но его послали куда подальше, мол, он не буйный и может лечиться амбулаторно. А для него больница была как дом родной, ведь там друзья, койка и миска с супом, вот он и решил доказать медперсоналу, что он не такой спокойный, как они считают. Сел в метро, доехал до центра, зашел в первый попавшийся стриптиз-бар и плеснул в Тамарку кислотой. Был ее номер, а ведь перед этим выступала я, даже страшно подумать! Лучше бы он этому чертову педик-стриптизеру внешность испортил. В тюрьму этого чокнутого нельзя, потому что он состоит на учете, – только больница. Он туда с радостью отправился – добился того, что хотел, а у Тамарки трагедия на всю жизнь.

– Значит, нужно посадить тех, кто выпустил этого сумасшедшего на волю! Виновата администрация, больница, медперсонал, в конце концов!

– Они тоже ни при чем. Больница не резиновая. Сумасшедших много, коек мало, кормить их нечем, дотаций никаких нет. С них взятки гладки. Если копать глубже, то, сама понимаешь, в какое дерьмо вляпаешься. С государством разбираться глупо, оно само разберется с тобой, и намного быстрее, чем ты думаешь. Ты только представь, сколько таких сумасшедших бродит по улицам Москвы, страшно подумать! Я теперь танцевать боюсь – вдруг зайдет какой-нибудь ненормальный и плеснет в лицо чем-нибудь ядовитым. Тамарку жалко, красивая баба была. Самое главное, хваткая. За жизнь обеими руками цеплялась. За жизнь да за Москву.

Я встала, разлила бренди по рюмкам и посмотрела на Каролину. Та вытерла слезы и тяжело вздохнула:

– Много пить нельзя. Через пару часов нужно ехать на работу. Если хозяин учует запах спиртного, то выгонит к чертовой матери на улицу.

– Ты хочешь сказать, что мы сможем выступать в таком состоянии?

– Конечно, сможем, а куда деваться! По-моему, за три года хозяин ни разу не поинтересовался нашим состоянием. Ему наплевать, о чем мы думаем, что чувствуем, за что переживаем. Хорошо, что ты вернулась. Хозяин сказал, мол, если ты в течение двух дней не выйдешь на работу, то будешь уволена.

– Но ведь он сам разрешил мне взять небольшой отпуск.

– Вчерашний инцидент вывел хозяина из себя. Он сейчас непредсказуем, боится, что в бар ходить перестанут. Ты сама неважно выглядишь. Что-то с мужем?

– Мы поссорились, и он ушел из дома.

– Замечательно. Теперь ты сможешь встречаться со своим Глебом без нервотрепки и ненужной суеты.

– Глеб приходил в мое отсутствие?

Каролина опустила глаза и заерзала на стуле.

Я почувствовала неладное.

– Глеб находился в баре, когда меня не было?

– Да. Всего один раз. – Каролина вновь наполнила рюмки и потянулась за новой сигаретой.

Я выпила и почувствовала, как учащенно забилося мое сердце.

– Ты что-то скрываешь. Говори. Ты же знаешь, что это для меня очень важно.

– Хорошо. Скажу. На хрена бы я этого придурка выгораживала! Лучше знать правду. Я всегда его рожу на дух не переносила. Он с тобой за столиком сидел, а меня глазами ел. Он всегда меня клеил, хореком раскормленный.

– Тебе это показалось. Так что случилось?

– Он приезжал с новой бабой. Я ее никогда раньше не видела.

– Ничего страшного. Может, это кто-то из знакомых. Ты же сама знаешь, что у него не только много денег, но и знакомых.

– Только он этой бабе коктейль за коктейлем заказывал. Стол накрыл по полной программе, за грудь ее лапал, коленки гладил. Короче, сама понимаешь. Когда они созрели для

любовных утех – стали лизаться тут же, за столиком и уехали. Думаю, что они отправились на его хату.

Я побагровела и вытерла выступивший на лбу пот.

– Ладно, я с этим разберусь. А эта девица красивая?

– Нормальная. В дорогом прикиде.

– Мужика нельзя оставлять одного!

– Тогда купи ему поводок, если его нельзя оставлять без присмотра. Получается, что он и не мужик вовсе, а самый что ни на есть настоящий кобель.

Я постаралась отвлечься и перевела разговор на другую тему:

– Послушай, но ведь можно дать объявление в газету, открыть счет для Тамарки на лечение.

– Глупенькая, неужели ты веришь в такие счета?! Да кто ей вышлет? «Профессиональная стриптизерша получила производственную травму и нуждается в длительном лечении. Господа бизнесмены, помогите деньгами, ведь вы же любите проводить время в ночных клубах и любоваться красивыми женскими телами...» Хрен кто поможет! Общество нас презирает и приравнивает к проституткам. Мы девушки второго сорта. Даже моя собственная мать отказалась со мной поддерживать отношения, потому что я, по ее словам, покрыла нашу семью позором. Она считает, что у меня постыдная специальность. Мол, растила дочь, а вырастила проститутку! А я не хочу жить на тысячу рублей в месяц! Я не могу сидеть в какой-нибудь конторе и пить чай.

– Каролина, но ведь можно придумать другой текст. Не обязательно писать именно так, как ты сказала.

– Да какой, к черту, текст! Халявы нет и не будет. Никто ничего не вышлет.

– Ну а как же сострадание, помощь?

– Да кому мы нужны, чтобы нам сострадать и оказывать помощь?! Мы же не виноваты, что мы не москвички и у нас нет крутых родителей. Знаешь, как это здорово – иметь нормальных родителей, которые сумели устроиться в жизни. Их детям проще. Их дочерям не нужно завоевывать Москву, выступая в стриптиз-барах. Они в этой жизни не гости. Они хозяева, им все дозволено, а наше место на галерке, да и то в последних рядах.

– Ты как хочешь, а я дам объявление в газету. Может, повезет и кто-нибудь поможет.

– Делай что хочешь, – безразлично пожала плечами Каролина и снова выпила.

– Ты много пьешь. Скоро на работу.

– Я всегда столько пью. В нашей работе тяжело без алкоголя. Очень трудно танцевать на трезвую голову.

– Хозяину это может не понравиться.

– Я умею держаться так, что он даже не догадается, сколько рюмок я выпила. Ведь в перерывах между танцами нам разрешается пить. Я недавно в кабаре на Садовом ходила. Если там место освободится, то я туда перейду.

– Но ведь там меньше получают!

– Зато это престижнее, чем стриптиз. Правда, вряд ли у меня что получится. Это я так, просто болтаю. Ни одна дура не согласится оттуда уйти. Я ведь тоже свое место хрен кому отдам. Оно мне потом, кровью и постелью досталось. Этот жирный боров, который называется нашим хозяином, отымел меня пару раз, прежде чем взять на работу. Странно, но больше он никогда ко мне не приставал. У него бабья и так хватает. С подчиненными спать не положено. Да и было это три года назад. Я уже все забыла.

– Странно, а мне он ничего не предлагал. Я просто прошла конкурс, и все.

– Наверное, у него на тебя не встал, – засмеялась Каролина. – Пойду ванну приму, и будем собираться. Скорее бы ночь прошла и наступило утро. У меня есть одно-единственное желание – завалиться в постель и уснуть. Я сегодня еще не ложилась. В больнице сидела,

пока Тамарку оперировали. Ее родителям на Украину сообщила. Мать разревелась. Хорошо, Тамарка ей деньги посылала, так она на днях прилетит. Капусты хватит, чтобы квартиру снять. Вещи Тамаркины мы ей отвезем. У нее заначка лежит. Там ровно три тысячи долларов. Нам чужого не надо. Все до копейки Тамаркиной матери отдадим. Как Тамарку выпишут, она ее на Украину в деревню обратно увезет. Может, скинемся по пятьсот баксов? Это все, что мы сможем дать ее матери... От нас на лечение. Я больше не могу. Мне самой как-то жить надо и из этого дерьма вылезать.

– Давай скинемся. Ничего страшного, ремешки затянем и немного потерпим. Правда, нам теперь за квартиру придется больше платить. Тамарка из игры выбывает.

– Что ж, разложим на двоих. – Каролина вздохнула и пошла в ванную. Приоткрыв дверь, она устало произнесла: – Я тебе сегодня утром звонила. Сказать, чтобы ты срочно все бросала и на работу возвращалась, но трубку никто не взял. Наверное, ты в это время как раз к Москве подъезжала. Я еще удивилась, что твоего лоха дома нет. Он же у тебя задницу от дивана никогда не отрывает, тем более в такое время. А вы, оказывается, поссорились...

Каролина ушла мыться, а я налила себе бренди и закурила очередную сигарету. В голове все перемешалось. Мысли путались. Я вообще никогда не хотела, чтобы Каролина и Тамарка знали про Макса, вернее, про то, что я замужем. Я хотела казаться свободной, но этот приду-рок потребовал, чтобы я дала ему свой московский телефон. Сначала я наврала ему, что телефона нет, а потом раскололась. Тогда Макс стал названивать почти каждый день, проверяя, во сколько я прихожу домой. Мне ничего не оставалось, как признаться девчонкам, что я замужем и ужасно несчастна в браке. Правда, я уговорила их не распространяться об этом. Поэтому про мое замужество никто не знал – ни Глеб, ни администрация бара. Подумав о Глебе, я почувствовала легкий укол ревности и постаралась прогнать дурацкие мысли. Сегодня позвоню ему с работы. Пока я еще не готова к разговору.

Перед глазами опять возник Макс, считающий мои деньги. Когда я приезжала из Москвы, он первым делом требовал денег, не уставая повторять при этом, что он-де сидит на воде и картошке. Мол, скоро вообще загнется с голоду. Он мучил меня вопросами, сколько я получаю, сколько трачу на себя, на шмотки, сколько плачу за квартиру. Требовал показать чеки из магазинов, бил за каждую новую вещь. Я старалась приезжать домой в старых вещах и выглядеть как можно хуже.

Неожиданно закололо в правой груди. Я приоткрыла полы халатика и осторожно погладила порез. Подумав о незнакомце, тяжело вздохнула – ведь он может прийти в наш бар и шлепнуть меня из автомата Калашникова. Правда, с оружием его не пропустит охрана, но где гарантия, что он не заколет меня пикой точно так же, как когда-то закололи моего отца? Нужно быть повнимательней. Когда танцуют девчонки, буду стоять за кулисами и разглядывать зал. Если замечу «боксер» – сразу забью тревогу.

Тамарка... Господи, как мне ее жаль! Живая, красивая и энергичная... Она покинула Украину сразу после распада СССР. Прочитав в газете объявление, что некая фирма проводит набор девушек-танцовщиц для работы в Греции, она не раздумывая и без особых осложнений прошла конкурс. Фирма гарантировала жилье, высокую зарплату, медицинское обслуживание и сулила хорошие перспективы...

Тамарка не стала танцовщицей, а попала в самый настоящий притон, где ее жестоко избивали и платили сущие гроши. Она осталась без документов и средств к существованию. Греки любят русских проституток потому, что они доступные и красивые. Это только в фильмах показывают гречанок с изящным профилем и точеными фигурками. На самом деле они похожи на толстозадых коров с грудями, отвисшими чуть ли не до самых колен.

Тамарка быстро поняла, что она попала в хитро расставленные сети. Ни о каких заработках тут не могло быть и речи. Через три месяца такой скотской жизни крутые ребята – «пред-

ставители российской фирмы» – продали ее старому толстому греку, так сказать, для пожизненного пользования.

Тамаркина мать, почуввав неладное, приехала в Москву. Там она всех поставила на уши и добилась, чтобы ее дочку нашли. Это большая редкость. Один случай на тысячу. Тамарке необычайно повезло. Когда она прилетела в Шереметьево, мать упала в обморок. У нее были сломаны переносица и пара ребер, на теле – следы от розг и ножевые ранения. От венерических болезней Тамарка лечилась больше года, благо не было СПИДА. Мать увезла ее на Украину и долгое время возилась с ней, как с маленьким ребенком.

Тамарка не любит рассказывать о времени, проведенном в Греции. У нее сразу начинается истерика. Большую часть заработанных в нашем баре денег она тратила на походы к психоаналитику. Очень часто она бредила во сне. Все говорила про какую-то шестнадцатилетнюю девочку из России, которой пьяный клиент вырезал лобок, после чего она умерла у нее на руках. Если Тамарке на глаза попадалось объявление о перспективной работе за границей, она в ключья рвала газету, ругаясь при этом так, что впору было затыкать уши.

Тамарка не смогла жить на Украине и, немного оклемавшись, вернулась в Москву. Мы работали вместе три года. Хозяин млел от ее стройных ног и роскошных волос. Если бы он только знал, сколько пудры и тонального крема ей приходилось изводить, чтобы скрыть зарубцевавшиеся раны! У Тамарки была мечта: купить импортную машину. Она копила деньги на «форд». Она умела держаться в обществе и была прекрасной подружкой. Она никогда не жаловалась на жизнь, так как знала, что бывает намного хуже. У нее есть две сестры-школьницы, которые нуждаются в ее поддержке, и она из кожи вон лезла, чтобы хоть как-то помочь им, а Каролина... Я не очень доверяю Каролине. Она не отличалась искренностью и запросто могла сделать какую-нибудь пакость исподтишка. Впрочем, я ее не осуждаю. Каролина осталась какой-то не востребовавшей. У нее никогда не было мужчины для души, который дарил бы цветы и говорил красивые слова. В Каролине словно уживались два человека. Один ужасно завистливый и злобный: «Нет в жизни счастья и справедливости. Уродины и гадины с толстыми задницами вышли замуж, а я, умная, красивая и стройная, страдаю в одиночестве. Каракатицам всегда везет на нормальных мужиков». Другой – добрый, сентиментальный: «Если бы я встретила достойного, богатого мужчину, я бы вдребезги разбилась для того, чтобы сделать его счастливым. Бросила бы стриптиз, родила ребенка и пекла бы ему вкусные пироги». На Каролину западали только всякие отбросы, да и то не любили, а просто пользовались ее деньгами и телом. Она не ждала от жизни ничего хорошего, а Тамарка совсем другая. У нее есть друг, который безумно ее любит и обещает жениться. Он не бизнесмен, не чиновник. Он представитель одной из московских криминальных группировок. Он приезжает за ней после работы и увозит к себе. Он знает о Тамарке все, но ему и в голову не приходит попрекать ее прошлым. Он как-то сказал, что они оба вылезли из дерьма, очистились и теперь имеют право на достойную жизнь. Просто у них не решен квартирный вопрос. Тамаркин жених живет с родителями и младшим братом, естественно, что для Тамарки там места нет. Скорее всего, они снимут жилье...

Господи! Как же они снимут жилье, если теперь Тамарка слепая и без лица?!

Я подошла к двери ванной комнаты и тихонько постучала:

– Каролина, я хочу тебя кое о чем спросить.

– Открывай. Стучишь, как девочка, ей-богу. Ты меня каждый день голяком видишь, а зайти боишься. Давай заходи, не стесняйся.

Я открыла дверь и увидела Каролину, лежащую в ванне, наполненной до самых краев водой с душистой пеной.

– Каролина, а ты Тамаркиному жениху о случившемся сказала?

– Сразу же, как только это произошло. Я ему на мобильный позвонила.

– Ну и как?

– Что – как?

– Как он на это отреагировал?

– А как может отреагировать мужчина, если узнает, что его женщина стала калекой? Саня, как и все особи мужского пола, оказался порядочным скотом.

– В смысле?

– В смысле, что сегодня утром он приехал в больницу, увидел слепую Тamarку с изуродованным лицом, поговорил с лечащим врачом, узнал, что ей ничего не светит, сунул мне тысячу баксов и сказал, что он умывает руки. Мол, его это не касается, Тamarку он не знал и знать не хочет, поэтому больше его беспокоить не стоит. Я эту тысячу Тamarкиной матери отдам. Теперь груз на нее ложится. Пусть распоряжается по собственному усмотрению.

– Надо было эти баксы в его наглую рожу кинуть! Зачем ты их взяла?

– Ты что, дура? Как я могу деньги не взять?!

– Но ведь это унижение!

– Деньги не пахнут. Они просто бумажки, и все. Если с твоей физиономией полный порядок, то ты можешь смело отказаться от денег. А у Тamarки лица нет – сплошное месиво, да и шеи тоже нет. Ей обезболивающие нужны, лекарства разные. Врачам на лапу тоже давать нужно, чтобы относились по-человечески. Сама знаешь, не подмажешь – не получишь. Для нее сейчас каждый рубль погоду делает. А Саня отскочил, и пошел он на хрен. Он не гордый, швырни ему деньги – обратно заберет, только Тamarке от этого легче не станет. Ему-то что! Он сегодня вечером новую бабу зацепит и в кабаке эти баксы прогудит, а так хоть от них польза какая-то будет.

– Тогда почему он больше не дал?

– Потому что жалко. Для калеки всегда денег жалко. Мол, ей уже все равно на мир не смотреть, а он молодой, ему еще жить да жить, себя радовать.

– Это же так чудовищно!

– По-другому просто не бывает. Твой Глеб при такой красоте, как ты, и то на чужих баб прыгает. А представь, что бы было, если бы такое с тобой случилось? Мужики не ценят женщин здоровых, полных сил, а больные тем более никому не нужны...

Я перевела дыхание и вышла из ванной. Взглянув на Тamarкины вещи, тяжело вздохнула и посмотрела на часы...

Глава 5

Через полчаса мы уже ехали в такси на работу. Каролина заметно нервничала и курила одну сигарету за другой, игнорируя замечания таксиста.

– В моей машине не курят, – в который раз сказал он.

– Давай крути баранку и считай километры. – Каролина пустила ему дым прямо в затылок.

– Ну и народ пошел! Сейчас высажу, и разговор на этом закончим.

– Да пошел ты! Замучаешься высаживать! – Каролина толкнула меня в бок и нервно вздохнула: – Скорее бы накопить деньги на собственное авто, чтобы на таких колымагах не ездить. Я мечтаю только об американской машине. Пусть она будет старенькая, изрядно подержанная, но главное, чтобы американская. Это стильная машина, созданная специально для стильных женщин. Только накопить не получается. Расходы превышают доходы. Теперь еще за квартиру придется больше выкладывать.